

РАБОТНИЦА



1966 • №4

МИР

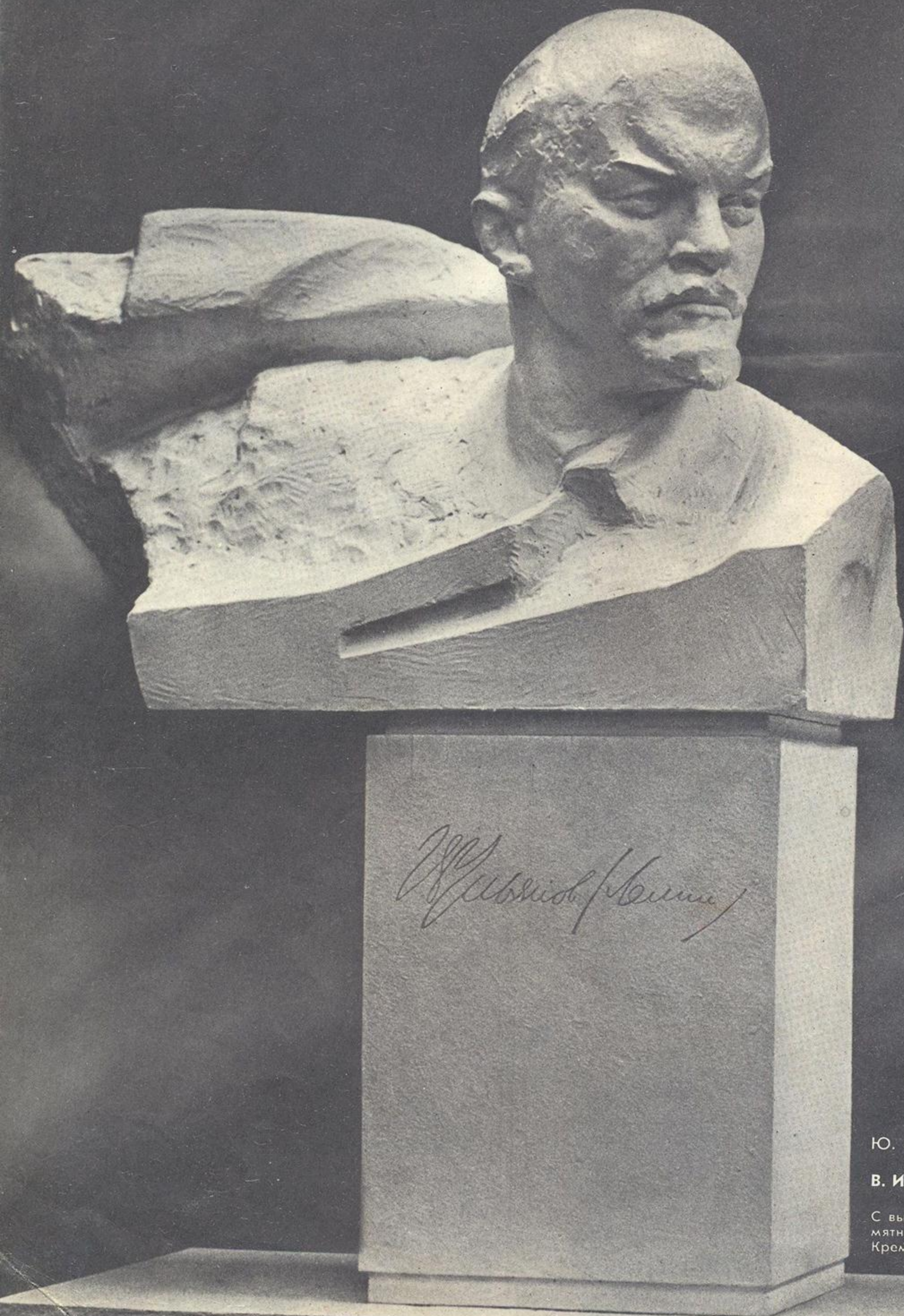


ТРУД



МАЙ





Ю. КОЛЕСНИКОВ.

В. И. ЛЕНИН.

С выставки проектов памятника В. И. Ленину в Кремле.



XXIII съезд КПСС. Первый секретарь Центрального Комитета партии Леонид Ильич Брежнев выступает с Отчетным докладом ЦК съезду.

ЖИЗНЕННОЕ ДЕЛО МИЛЛИОНОВ

Повсюду в нашей большой стране люди вдумчиво изучают сейчас материалы XXIII съезда КПСС. Читают и перечитывают Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС, с которым выступил Первый секретарь ЦК нашей партии Л. И. Брежнев, доклад Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина «Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы», речи делегатов и зарубежных гостей, принятые на съезде решения. К ним возвращаются снова и снова, потому что съезд обсудил важнейшие вопросы жизни партии и страны, определил главное направление в строительстве коммунизма и в международной политике.

Решения съезда стали теперь основным жизненным делом каждого коммуниста, каждого работающего советского человека.

И за рубежами нашей Родины миллионы людей следили за работой съезда ленинской партии, понимая его значение для всего хода мировой истории.

Съезд горячо и единодушно одобрил деятельность Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, его внутреннюю и внешнюю политику, утвердил основные директивы и составлению нового пятилетнего плана.

Немногим более года отделяет нас от

славного юбилея — 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Завершение пятилетки совпадает по времени со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина. И это обстоятельство сообщает нашим планам и деятельности особый смысл и вдохновение. В 1918 году Владимир Ильич утверждал, что «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Сбылось то, что гениально предвидел Ленин сквозь голод и холод, гражданскую войну и хозяйственную разруху. Мы создали могучее социалистическое государство.

«Наша партия, — говорил тов. Л. И. Брежнев в своем докладе, — обессмертила свое имя тем, что сумела организовать и вдохновить народ на великие свершения... Но партия могла достичь этих завоеваний лишь благодаря самоотверженному труду и беззаветной поддержке народа».

От имени съезда Первый секретарь ЦК КПСС поблагодарил советский народ «за доверие и поддержку, за его великий труд, за ум, смелость, упорство и отвагу в борьбе за дело Ленина».

Больших успехов достигла наша страна за четыре с половиной года, прошедшие

после XXII съезда КПСС. Об этом свидетельствуют итоги выполнения семилетнего плана, это видит и ощущает каждый советский человек.

Были на нашем пути и серьезные трудности и просчеты, осложнявшие дело. Партия открыто и прямо вскрывала причины, порождавшие эти недостатки, и устраняла их.

Состоявшийся в октябре 1964 года Пленум ЦК КПСС подверг суровой критике проявление субъективизма и прожектерства в руководстве экономикой и политикой страны.

Последующие Пленумы ЦК выработали



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

работница

АПРЕЛЬ 1966 • № 4

Общественно-политический и литературно-художественный журнал
Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»



Делегатки съезда (слева направо): А. А. Пигида, слесарь-приборист Львовского электровакуумного завода; Р. Ф. Дементьева, секретарь Московского горкома партии; В. Ф. Корсакова, доярка совхоза «Красный Октябрь», Ленинградской области; Л. М. Томилина, ткачиха Оренбургского шелкокомбината; В. М. Палло, работница Ленинградской кондитерской фабрики имени Н. К. Крупской.

Фото С. РАСКИНА.

новый подход к руководству народным хозяйством. Он основан на строго научном экономическом расчете, с одной стороны, и большом доверии к трудовым коллективам заводов и фабрик, совхозов и колхозов — с другой. Расширяется их хозяйственная самостоятельность, повышается материальная заинтересованность каждого работника в результатах деятельности производства.

Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства намечают значительный количественный и качественный рост промышленного производства на основе достижений науки и техники, решительный подъем сельского хозяйства, дальнейшее повышение жизненного уровня людей в городе и деревне.

Высшая, подлинно ленинская человечность, забота о благосостоянии народа пронизывала всю работу съезда.

Тот, кому посчастливилось в эти весенние дни быть в Кремлевском Дворце съездов, навсегда сохранит в памяти волнующую атмосферу единства, общности интересов, дружбы народов, великого интернационального братства, царившую здесь.

Почти пять тысяч делегатов прислала на съезд великая армия коммунистов Советского Союза, которая насчитывает теперь более двенадцати миллионов бойцов.

Люди 59 национальностей и народностей Советской страны, люди разных поколений — от участников первых революционных сражений до вчерашних комсомольцев, — рабочие и колхозники, ученые и писатели деловито обсуждали важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, идеологической работы партии. Обсуждали по-товарищески требовательно, с истинно революционной непримиримостью к недостаткам, стремясь устранить все, что мешает на нашем пути — крутом, нелегком пути к коммунизму.

Весь народ строит коммунизм: рабочие, колхозники, интеллигенция. Но главной, ведущей силой остается рабочий класс, законный преемник революционных традиций российского пролетариата. Именно в среде рабочего класса родилось движение за коммунистическое отношение к труду. Рабочие выступают с передовыми починами, смело ломают устаревшие порядки на производстве.

Работники промышленности составляли среди делегатов самый многочисленный от-

ряд. Командиры больших строек, инженеры, новаторы производства, чья трудовая слава гремит на весь Советский Союз. Среди них была ивановская ткачиха З. П. Пухова.

Вышла она, молодая, красивая женщина, на высокую трибуну съезда, поблагодарила Центральный Комитет партии и Советское правительство от имени всех советских тружениц за праздник 8 Марта, который стал нерабочим днем. А потом заговорила о самом главном: о мерах повышения производительности труда. Нет, не может она мириться с тем, что оборудование, которое поступает на многие заводы и фабрики, осваивается подчас медленно, работает вполсилы. На собственном опыте убедилась З. П. Пухова, что можно куда быстрее добиться запроецированной производительности и даже перекрыть ее.

— Вношу предложение, — сказала Пухова, — развернуть социалистическое соревнование в стране за досрочное освоение проектных мощностей нового оборудования.

И еще предложила: организовать соревнование за качество продукции сообща со смежниками, чтобы взаимно проверять и подтягивать друг друга, если кто-то отстает.

1154 женщины избрали коммунисты своими представителями на съезд партии. У 116 делегатов на груди — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Среди делегатов — первая женщина-космонавт Валентина Николаева-Терешкова, Герой Советского Союза. В рядах Коммунистической партии Советского Союза свыше 2,5 миллиона женщин — это на 650 тысяч больше, чем было перед предыдущим съездом партии.

Какое бесспорное, какое яркое свидетельство идейной сознательности советских женщин, всей значительности их дел, их роли в государстве!

В один из дней в зале съезда появились красные гвоздики, похожие на маленькие горящие факелы. Они засветились, запылали в руках и на платьях женщин. Это французские коммунисты приветствовали делегатов съезда цветами, специально доставленными из Парижа. Цветы французских коммунистов — дань восхищения и внимания со стороны товарищей по революционной работе.

Из 86 стран прибыли в Москву на съезд представители коммунистических, рабочих, национально-демократических партий. Они поднимались на трибуну съезда — и словно раздвигались стены Кремлевского Дворца, словно входили в него коммунистические, рабочие отряды, боевые соединения воинов за свободу и независимость разных народов.

Приветствуя съезд коммунистов Советского Союза, представители братских партий подчеркивали огромную роль КПСС в укреплении социалистического содружества, в борьбе против агрессивной политики империализма, за сохранение мира, в поддержке национально-освободительного движения народов.

С сердечным волнением слушали делегаты выступление Первого секретаря ЦК Партии трудящихся Вьетнама тов. Ле Зуана. «Со дня основания нашей партии и до сего дня... советский народ помогает нам, — говорил тов. Ле Зуан. — И можно сказать, что в каждой нашей победе есть капля крови бойцов Красной Армии...»

И глава делегации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама тов. Нгуен Тхи Бинь, маленькая, худенькая женщина с большими грустными глазами, горячо благодарила советский народ, народы других социалистических стран, все коммунистические и рабочие партии за помощь и поддержку.

Да, Коммунистическая партия Советского Союза, весь наш народ всегда на стороне вьетнамского народа! Мы помогали и помогаем ему в борьбе против иностранных захватчиков. Мы настойчиво и гневно требуем немедленного прекращения агрессии США против Вьетнама и вывода американских войск из Южного Вьетнама. Эта позиция нашей партии твердо выражена в специальном заявлении XXIII съезда КПСС.

В обострившейся международной обстановке особенно нужна монолитность, сплоченность антиимпериалистических сил. Вот почему так настойчиво звучал на съезде призыв к единству действий, обращенный к коммунистам всего мира.

Все речи, все выступления делегатов и зарубежных гостей были проникнуты глубоким уважением и любовью к партии Ленина.

На трибуне Председатель Коммунистической партии Испании — легендарная Пасионария.

«Мы, испанские коммунисты, прошедшие ленинскую школу борьбы, понесшие большие потери, ничего не забыли, — говорит она. — А так как мы ничего не забыли, мы любим Советский Союз, как любят мать, как любят Родину...»

Товарищи делегаты XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза! — продолжает Долорес Ибаррури, — ...передайте рабочим, передайте колхозникам, всем советским трудящимся, что мы, испанские коммунисты, как и трудящиеся всех стран, глубоко заинтересованы в успешном выполнении нового пятилетнего плана. Ибо эта новая победа, которую мы от вас ожидаем, не только поднимет жизненный уровень всех народов Советского Союза... но и станет в то же время могучим стимулом для развития демократических и социалистических сил в капиталистических странах. Эта победа... поможет развитию международного коммунистического движения».

И советские люди, бесконечно преданные своей Коммунистической партии, повседневной горячей работой доказывают верность ленинским заветам, верность своему гражданскому и интернациональному долгу.

ЛЕНИНСКИЙ УРОК

Это уже вошло в нашу жизнь, как сама необходимость дышать, ходить по земле. Документы, подписанные рукою партии, изучают коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины, рабочие и ученые. И не только подчеркивают в газете отдельные строки и цифры, чтобы запомнить их, а размышляют над ними, прикидывают, что к чему, пишут в партийные комитеты — от цехового до Центрального: «Вношу предложение...» Не десятками, не сотнями — тысячами исчисляются пожелания самого разного рода, дополнения и замечания советских людей к проекту Директив по новой пятилетке.

Мысли же свои и оценки выверяют люди по самому надежному и безошибочному компасу — они обращаются к Ленину.

Изучают люди ленинское наследие, переносят мысли, думы, заветы Ильича в сегодняшний наш день, в нашу жизнь — и проходят, таким образом, урок гражданской и политической зрелости, проходят ленинский урок.

...Вышний Волочек. В пятилетнем плане страны этот город не упоминается. Здесь не намечается строить гигантов индустрии, не планируется прокладывать нефтепроводы. Город текстильщиков будет заниматься привычными своими делами, главным же образом выпускать пряжу и ткани: в 9,5—9,8 миллиарда кв. метров тканей, о которых идет речь в Директивах съезда партии, войдут многие миллионы Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината.

Об этом говорила, выступая перед своими товарищами, работницами прядильного производства, мастер чесального цеха Валентина Ивановна Белова. Шло занятие, посвященное проекту Директив по новой пятилетке. И это был тоже ленинский урок. Роль докладчика для Валентины Ивановны не самая привычная и легкая, но говорит она о том, что поняла и приняла сердцем, во что глубоко верит, к чему готова приложить собственное умение и труд.

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих». — Она выписала эти слова в тетрадку, но сейчас могла бы процитировать Ленина и наизусть.

Указка в ее руке движется снизу вверх по кривой диаграммы. Внизу цифра 100, чуть выше — 122, самая верхняя — 149,8. Так росла в годы семилетки производительность труда в прядильном производстве комбината. А с ней росло и число эшелонов, груженых вышневолоцкой пряжей и тканями.

В новой пятилетке кривая, по которой движется указка, взметнется значительно выше.

— В промышленности страны, — напоминает Валентина Ивановна, — производительность возрастет на 33—35 процентов.

«Возросла», «возрастет»... Так просто, само по себе?.. Вот и подошли к самому главному.

За теми 149,8 процента, которыми завершилась кривая на диаграмме, — труд, поиск, энтузиазм не только прядильщиков, не только работников комбината. К концу семилетки в цехах прядильного производства почти не осталось старого оборудования. А откуда пришли новые, несравненно более производительные машины? Их сделали машиностроители Ташкента, Пензы, Ленинграда.

Монорельсовые дороги в цехах, транспортеры, электрокары — сколько рук они высвободили, сколько сил сберегли!

Семь лет назад бригадир прядильщиц Валентина Гаганова перешла из передовой бригады в отстающую, чтобы вывести и ту в передовые. Конечно, одна бригада погоды бы не сделала, но ведь примеру Вали последовали многие. И на чашу производительного труда прядильщиков гагановцы положили свою вескую и емкую пригоршню.

На ту же чашу легла экономическая выгода от того, что вся бригада Гали Матвеевой (она сейчас здесь, на ленинском уроке, вот только выступить никак не отважится) и еще пять бригад прядильного производства работают без контролеров.

Или такая цифра: в 1965 году в школе передового опыта обучалось 226 человек. Это только те, кто проходил специальный курс по передовому опыту. А кто не проходил, кто сам ищет, как работать скорее и давать при этом пряжу лучших сортов, как экономить хлопок, а от машин брать все, что они могут дать, — да таких большинство!

Они-то и есть «сознательные, объединенные, использующие передовую технику, рабочие»... В те годы, когда Советская власть, что называется, с нулевой отметки начинала создавать материально-техническую базу нового общества, Владимир Ильич пред-

видел, что люди Советской России будут именно такими. Им, сознательным и объединенным, завещал Ленин великое и многотрудное дело построения коммунизма. Для них же нет ничего священнее этого завета.

...Идет ленинский урок. Его слушатели — женщины в пестрых ситцевых кофточках да светлых косынках и мужчины в спецовках — прямо со смены. Общие у них заботы и дело одно. Вот и собрались вместе, чтобы поговорить, посоветоваться, поразмыслить над тем, что одинаково важно и дорого каждому. Новая пятилетка... Она касается их прямо и непосредственно. Касается их самих, их семей, их детей, их настоящего и будущего.

Пусть не их собственными руками будут создаваться пластмассы, турбины и холодильники, но разве не зависит и от них, текстильщиков, повысится ли общий объем промышленной продукции в полтора раза против нынешнего уровня? И вырастут ли в намеченных размерах и национальный доход и реальные доходы каждого гражданина страны?

Не на ведущие отрасли и предприятия, а на все без исключения; не на самоотверженность передовиков, а на активные усилия всех трудящихся и каждого в отдельности рассчитана пятилетка. Да, рассчитана!

— Одним словом, работы в пятилетке хватит на каждого. — Это поднялась Анна Савельевна Маркова, инструктор производственного обучения. — Но разве не каждый и получает от тех благ, которые мы создаем коллективно?

Неподалеку от соснового бора и речки расположился профилакторий комбината: физио- и грязелечебницы, отлично оборудованные кабинеты. Сто с лишним человек каждый месяц подкрепляют там свое здоровье. Комбинат выделяет на профилакторий около 30 тысяч рублей в год. Еще 20 тысяч — на путевки в дома отдыха и санатории, столько же — на пионерский лагерь. А бесплатное обучение семисот работников комбината в заочных и вечерних вузах и техникумах, в школе рабочей молодежи! А пенсии и пособия!..

Пусть не каждый раз лично тебе и твоим ближним достается эта доля добытого общим трудом, она достается и «дальним» — всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных в одно социалистическое государство. Но если о каждом пуде хлеба, угля, железа и других продуктов, которые достанутся всему обществу, заботаешься ты, рядовой рабочий, — значит, здесь начинается коммунизм. Об этом писал в «Великом почине» Ленин, приветствуя живые ростки коммунизма.

...Идет ленинский урок. Ленин и мы, Ленин и наша жизнь — такой его лейтмотив. Вот и опять. «Превратить службу быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства», — записано в Директивах. Не ленинский ли это завет в действии — завет о полном и подлинном раскрепощении женщины, об освобождении ее от самого непроизводительного, самого тяжелого, домашнего труда! К концу пятилетки в городах страны примерно в 2,5 раза увеличится объем бытовых услуг населения.

— А у нас, в Вышнем Волочке? — Самые верные сведения по этому поводу оказались у Кати Фоминовой, плановницы из 1-го прядильного цеха: она специально побывала и в горсовете и на коммунальных предприятиях города. — Правда, планы на все пять лет еще не составлены, но уже в этом году в жилищное и бытовое строительство будет вложено на 760 тысяч рублей больше, чем в прошлом. В городе откроются ателье готового платья, цех индивидуального пошива, несколько ремонтных мастерских. Чего у нас явно не хватает, так это прачечных...

Да, и о том, чего не хватает, тоже принято говорить на ленинском уроке. И не просто говорить, а советовать, чтобы потом действовать. Вот волнуются о своем наболевшем женщины. Первый предмет этих волнений — дети. Но речь идет не о детсадах и яслях: на большом Вышневолоцком комбинате эта проблема вот-вот будет разрешена полностью. Неблагополучно с другим — со школой: дети учатся в три смены.

— Будем настаивать, чтобы включили строительство школы в пятилетний план города, — условились тут же.

...Ленинский урок продолжается. Не только в красном уголке прядильщиков Вышневолоцкого комбината. Он в наших планах, в наших делах, в нашей верности бессмертным идеям Ленина.

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

г. Вышний Волочек,
Калининская область.

В одной своей книжке я рассказал о судьбе сверстников, с которыми побольше двадцати лет тому назад окончил десятилетку. Книжка вышла, и я меньше всего думал возвращаться к ней. И вдруг это письмо из небольшого городка, расположенного неподалеку от Воронежа.

«...Вы пишете, что ничего не известно о судьбе Лени Опарина. А я знаю о нем все, до последнего смертного вздоха его. И похоронен он тут. Будете в наших краях—расскажу. Письма же писать не мастерица...»

Вот ведь как: прошло двадцать лет, а мы все еще открываем новые утраты. Теперь вот — Леша Опарин.

Как хорошо я вижу его!.. Он сидит в третьем ряду у окна, положив левую руку

люди, которые могли бы стать настоящими друзьями. Порой более верными, чем некоторые из тех, кто здравствует и поныне.

И вот дорога... В девятом часу утра я выхожу через нарядный, послевоенной постройки вокзал на площадь незнакомого мне городка под Воронежем.

Как все-таки много значит солнце! Стоило ему чуть пробиться, как разом, вспыхнув, заиграли только что синие, мертвые снега, взмыло заголубевшее небо, и минуту назад серый, невзрачный городок кажется уже удивительно милым и уютным с его разбежавшимися неширокими улочками, заваленными белолобыми сугробами, теплым запахом печеного хлеба, с монументальной каменной трибуной посреди площади, этой почти неизбежной слабостью районного начальства, наконец, с накатан-

Доносится какое-то шарканье, что-то вроде падает,—впечатление такое, словно там, за стеной, передвигают мебель; хочу постучать снова—и отступаю перед открывшейся дверью.

На уровне моих глаз радостно вспыхивают большие синие глаза в удивленно захлопавших ресничках, на льняной голове алеет капроновый бант.

Выпустив крючок, славный человечек лет трех-четырех в зеленом трикотажном костюмчике и белых валенках слезает с табуретки, смотрит на меня со спокойным недоумением.

— Здравствуй. Как же тебя звать?

— Тома,—показав крупные молочные зубы, сообщает маленькая хозяйка.

— А мама где?

— На работе.

— А папа?

Ник. ПОЧИВАЛИН

Ольга Ивановна

Из невыдуманных рассказов



Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

на парту и опершись на правую, внимательно слушает историка. Впрочем, слушает ли?.. В семнадцать лет мы чертовски здорово умеем делать вид прилежно слушающих урок, натренированно готовы повторить слова педагога, витая в это время в ином, далеком от древней истории, радужном мире юности!.. А может быть, и слушает. Серые глаза его от внимания чуть расширены, темные брови приподняты. Очень широкие и густые, они, пожалуй, самое заметное в его округлом, простом лице, с беспечно-румяными щеками и типично российским курносом.

Особо с ним мы не притязывали, в сущности, я не очень хорошо и знал его, но теперь, по прошествии многих лет, понимаю, что был он славным парнем. Был... Трудно привыкнуть думать о человеке в прошедшем времени. И думать, в частности, о том, что там, в далеком, у многих из нас остались не оцененные при жизни

ной дорогой, наглядно свидетельствующей о том, что автотранспорт здесь мирно уживается с гужевым.

Устроившись в гостинице, отправляюсь на поиски улицы Веселой. Кто ее так назвал? Почему? Или правда сплошь живут на ней счастливые и веселые люди, или просто добрый человек, давший улице имя, хотел, чтобы они жили так?..

До Веселой не так уж близко, ничем она от соседних, с более привычными и скучными названиями, не отличается. Все такие же деревянные домики с палисадниками, за которыми под белыми снеговыми шапками пригнулись задубевшие на холоде акации.

У окрашенного охрой парадного, у тесовых ворот 93-го номера снег не только расчищен лопатой, но и подметен—ни соринки, ни снежинки, все подобрано редкой жесткой метлой.

Стучу в обитую войлоком дверь, прислушиваюсь.

— На работе.

Утратив всякий интерес к моей особе, Тома оттаскивает от двери табуретку, садится за стол, подперев кулачками голову, и потешно вздыхает.

— Когда ж твоя мама придет?

— Скоро.

— А тебе мама велела знакомых пускать?

— Нет.

— Зачем же ты меня пустила?

— Я думала: мама,—честно признается Тома.

— Вот что, Тома, закрой за мной. Я похожу, а потом опять приду. И мама твоя как раз подойдет. Ладно?

— Ладно.

Возвращаюсь час спустя, полагая, что хозяйка уже пришла, но открывает по-прежнему Тома.

— Вот и я!—постукивая ботинками, бод-

ро объявляю я и протягиваю кулек.— Это тебе.

Тома вскидывает на меня глаза, собираясь, кажется, произнести заученное слово благодарности, но из прижатого к зеленой кофточке кулька шлепается толстая, в нарядной обертке конфета, и тут уж не до формальной вежливости.

Я раздеваюсь, сажусь против Тома. Вкусно причмокивая, она ест конфету и одновременно бережно разглаживает яркую обертку.

- Где твой папа работает?
- На машине. Он меня катает.
- А мама где работает?
- В больнице.

Дальнейшая беседа ничего нового к тому, что я знаю о моей корреспондентке, не добавляет. Ольга Ивановна Рыжова ра-

подростковые, валенки выглядят на ней нарядно. По девичьей фигуре, по быстроте движений она кажется совсем молоденькой, и, только разглядев ее лицо с умными, поминутно меняющимися выражением глазами, с морщинками, скользнувшими на вспыхнувшие с мороза щеки, понимаю, что лет ей столько же, а может, и чуть побольше, чем мне.

— Назяблись в дороге? Вон какие холода завернули,— спрашивает Ольга Ивановна.— Сейчас я чай вскипачу. А может, есть хотите? Нет, правда?

Несколько минут спустя Тома в клетчатом фартучке сидит за столом и ест манную кашу, отвечая мне дружелюбными гримасами. И Ольга Ивановна, оглядев накрытый стол, садится напротив.

Мы встречаемся взглядами. Легкий, чуть певучий голос Ольги Ивановны мягко опадает.

— Спасибо вам, что приехали. Нет, нет, погодите, я объясню. Понимаете, живу все эти годы и чувствую, что должна я о нем рассказать кому-то. Я ведь о нем все знаю, а больше никто. Один он был. Тетка, говорил, была, так еще раньше умерла. Вот и получается, что никто не знает. Кроме меня. Все эти годы я ждала чего-то. А тут прочитала — и давай вам строчить. Как же думаю так, что человек никому не нужен? Не может так быть...

Я трогаю ладонями горячие бока стакана, медлю и прямо спрашиваю:

— Ольга Ивановна, скажите, а почему вы думаете, что это тот Опарин? Совпадение имени и фамилии еще ничего не значит. В войну всякое бывало.

— Да что вы! — Серые, с упреком глянувшие на меня глаза полнятся изумлением. Словно защищаясь, Ольга Ивановна прижимает к груди тонкие, с коротко обрезанными ногтями руки.— Что вы, что вы, он!

Она срывается с места, в спальне хлопает поспешно выдвинутый ящик комода.

— Вот.

Ольга Ивановна держит плоский черный бумажник из искусственной кожи, по виду в нем ничего нет. Укоризненно взглянув, она вынимает из него сложенную вдвое газетную вырезку, молча протягивает мне.

Обычная, наспех написанная заметка, рассказывающая о том, как старший сержант Опарин заменил убитого командира и повел роту в атаку. Таких заметок во фронтовых газетах печаталось в те годы тысячи. Мне, бывшему армейскому газетчику, старая, пожелтевшая вырезка говорит, конечно, о многом, но не о самом главном. Не названо даже имя этого старшего сержанта Опарина, славного, должно быть, парня.

— И вот еще,— негромко говорит Ольга Ивановна, подавая вторую такую же вырезку.

Какие-то стихи.

Безучастно читаю ничего не говорящее название «Ровесникам», машинально пробегаю взглядом первую курсивную строчку, поспешно смотрю вниз, где стоит... моя подпись. Боже, сколько же разного напоминают мне эти корявые строчки, написанные тоскливой морозной ночью под Богородицком и потом напечатанные в военной газете!

Когда огневая гроза отбушует,
Утихнет последний бой,
Мы снова, друзья, на поверку большую
Съедемся в город родной.
Наверно, меж нами кого-то не будет.
Мы скажем о них друзьям:
— Хорошие парни, хорошие люди,
Их позабыть нельзя...

И каждому станет и грустно и больно,
Хоть все тополя в цвету.
Мы соберемся у старой школы,
Где раньше играли в лапту...

— Он сам мне сказывал: дружок, мол, написал. В одном классе учились,— мягко говорит Ольга Ивановна.— Орден и медаль еще после него оставались, так их сдали куда-то...

Она поднимает задремавшую Тому на руки и, словно извиняясь, просит:

— Вы уж поскучайте минутку. Мы быстро-быстро уснем.

Второй раз, более внимательно, перечитываю заметку о боевом подвиге комсомольца Опарина и понимаю, что это, конечно, о нашем Алексее...

— Все, уснула моя пичуга,— выходя из спальни, кротко улыбается Ольга Ивановна.— Сейчас я только приберу тут немного.

Кажется, самое драгоценное качество этой похожей на подростка с немолодым лицом женщины — в подкупающей правдивости интонаций, жестов, взгляда ее немножко усталых и спокойных глаз.

— Рассказывайте, Ольга Ивановна,— прошу я.

— Да я и так все с мыслями собираюсь. Не знаю уж и начать с чего...

Серые внимательные глаза ненадолго задерживаются на мне, точно спрашивая, и, светлея, смотрят уже куда-то мимо.

— Ладно, с этого и начну, как первый раз его увидела... У нас тут, как война-то от наших мест отошла, госпиталь развернули. В корпусах бывшей больницы — только-только перед самой войной достроили. В нем вот я и работала. Санитаркой... Молоденькая, глупенькая, а тут — кровь, страдания. Или, хуже того, на носилках под простыней выносят... Иной раз подумаешь — потруднее любой другой наша работа получается. Это ведь так говорят только: ко всему человек привыкает. Неправда это, еще какая неправда! Если у тебя внутри мохом не заросло, никогда к такому не привыкнешь. Всех жалеешь... Бывает и сейчас еще: наглядишься за дежурство, домой придешь, а в тебе дрожит все. Вот как человеку помочь хочется! А не всегда можешь...

Ольга Ивановна поднимает виноватые глаза, слегка улыбается.

— Опять я не про то. Не могу спокойно о человеческом горе думать! Оно, это горе-то, с Лешей меня и познакомило.

Привезли его к нам, сразу как Воронеж освободили. Заступила я, помню, в ночную, старшая сестра и говорит: «Почаще в резервную заходи, новичок там трудный — после операции...» Была это у нас такая боковушка — по хозяйству. А как пополнение, девать некуда, так и туда. Последнее-то время койку оттуда и вовсе не убрали... Вошла, и ровно меня по сердцу хлестнули чем. Молоденький-молоденький такой!.. Я сама еще девчоночка была, а он будто еще моложе. Так потом и вышло: он с двадцать первого, а я с девятнадцатого, на два года его была постарше. Лица-то его на подушке и не углядишь: такое же белое. Одни только брови на лице и есть. Редко я у кого такие видела — черные да густые-густые! Наклонилась над ним, чтоб дыхание услышать, — глаза открыл. А они мутные, и губы, смотрю, синеют. Ну, бегом, конечно, за старшей. Сделали инъекцию — вроде отпустило. Дремлет, постанывает, а я села напротив, дежурю и думаю: вот, мол, если на земле правда есть, не помрет он!..

Ольга Ивановна смущенно улыбается и машинально приглаживает темные, засеребрившиеся на виске волосы.



ботает в больнице — это мне известно из письма.

— Дочка, где ты? Почему дверь открыта?

Я выхожу, держа за руку подпрыгивающую Тому. Невысокая женщина в бордовом пальто с жидким цигейковым воротничком отступает, в ее серых расширившихся глазах мелькает испуг, потом — удивление, потом — растерянность; по каким-то одной ей ведомым признакам она сразу узнает, кто я.

— Вы?! Как быстро! А я и не ждала, — чуть певуче и все еще растерянно говорит она.

Я пытаюсь извиниться за свое непредупрежденное появление. Ольга Ивановна, проворно раздеваясь, живо возражает:

— Да что вы! Хорошо, что приехали.

В синем с белым горошком платье, худенькая, она полна какой-то неуловимой грации. Даже подшитые, тоже какие-то

— Боялась я, как бы он ночью, перед рассветом, не отошел. Больше всего в эти часы почему-то помирают... У него ранение осколком в живот было. Знала я, чем это кончается. Пришел он в себя, тут только меня и приметил. Пить попросил. Напоила, велю, чтоб спал, а он мне одними глазами показывает: не хочу, мол. А внутри-то, вижу, горит все: зубы сцепил, на лбу пот выступил. Вытерла я ему лоб, сбегала в другие палаты и опять к нему. То забудется, то очнется, а к утру-то уснул. Да так славно уснул, одни только губы сжаты — словно и во сне боится, что боль наружу вырвется!..

И стала я с той ночи верить, что выкарабкается он. Через два дня мы уже с ним разговаривали. Говорила-то, положим, я, ему не разрешала, да все равно слово-другое скажет. Одно только плохое примечала: пока говорю, слушает, улыбнется когда через силу. А как умолкну, начну что-нибудь делать, обернусь невзначай — опять он с закрытыми глазами.

Прихожу раз — сложил он руки на груди крест-накрест, как неживой уже.

— Больно? — спрашиваю.

Покосился на меня.

— А шут его знает... Больно, конечно. Все время больно, надоело уже... Я вот что спросить тебя хочу. Почему так? Раньше я вроде совсем ни о чем не думал. Жил, и все. А теперь думаю, думаю... Поумнел, что ли?

И усмехается.

— Знаешь, о чем думаю?.. Зачем я все-таки был рожден? Неужели только для того, чтобы пятерых фрицев на тот свет отправить? И для этого меня растили, учили? Маловато, вроде...

Не понравились мне его думки. Глупости, мол, говоришь. Поправишься, война кончится — и сделаешь ты все, что человеку на жизнь отпущено. Для этого, говорю, и воевал ты.

— Подойди, — просит, — ко мне.

Подошла.

— Посиди со мной. Когда ты тут, легче мне.

Села, руку ему глажу, притих он, потом вдруг спрашивает:

— Оль, а ты любила кого-нибудь?

— Нет, — говорю. — Был один мальчишка в школе, вроде нравился. А теперь редко и вспомню когда.

— И я, — говорит, — не любил.

Помолчал немного и опять с вопросом. Да с таким, какой ни один парень девушке задать не отважится, чтоб по щеке не схлопотать. А он спросил, словно понимал, что ему сейчас все можно и я не обижусь.

— А так, — говорит и замаялся немножко, — ну без любви... ни с кем у тебя не было?..

— Дурашка, — отвечаю, — конечно, не было.

— И у меня, — говорит, — не было...

Первый раз тогда почему-то почувствовала, что не жилец он. Отдежурила смену и напрямик к главврачу. А она у нас замечательная была — сейчас профессор, в Ленинграде работает. Маленькая, быстрая такая. Из-под белой шапочки волосы седые. Глаза по виду строгие-строгие, а очки снимет, и совсем они у нее не строгие, а добрые, грустные. Прибежала к ней, так и так, говорю, плохо Опарину. Затосковал он, делать что-то надо. А она мне прямо в упор: «Влюбилась?» Что вы, говорю, какая уж тут любовь — человека жалко! Сняла она очки и головой покачала. «Эх, девочка, девочка! Всем, кто в госпиталь работать идет, надо бы искусственное сердце вставлять. А оно у нас, на беду, человеческое. Да еще хуже того — бабье...» Вдох-

нула, надела очки и строго так: «Иди отдыхай. За Опариным следим, делаем все возможное. Понятно? Ну, марш, марш!»

Прибежала домой; выходить-то мне на сменку утром, а я подремала да к вечеру опять в госпиталь. Словно сердце чуяло: нужна я ему буду. Лежит безучастный какой-то, в потолок, ничего не видя, глядит. Прежде-то, как я войду, он либо улыбнется, либо голос подаст. Если уж не могу, хоть головой пошевелит. А тут — ну ничего тебе! Окликнула — вздохнул только. Самое это плохое, когда человек такой. Без всякого интереса, без воли. Болезнь тут вдвое сильнее становится: накинется и уж не отпустит, пока напрочь не загрызет... Ты чего, мол, приуныл? — спрашиваю. — О чем думаешь? «Скорее бы, — говорит, — отмучился, что ли. Все равно никому не нужен». И так это у него горько-горько вышло!..

Нет, вижу, тут, кроме докторов да лекарей, еще что-то надо. Может, еще сильнее, чем доктора. Слово какое-то. Чтоб ухватился он за него. Как слепой за палку. И подумать еще не успела, какие это такие слова должны быть, а они уже сами нашлись. «Да как, говорю, у тебя язык повернулся сказать такое — никому не нужен? Мне вот первой нужен!..» Покосился: «Зачем?» «Да затем, что люблю я тебя, глупого!» Говорю и сама верю в то, что говорю. И его жалко, и себя с чего-то так жалко стало, что слезы брызнули!..

Ольга Ивановна произносит все это спокойно, строго, и только поблекшие щеки ее густо краснеют.

— Сколько оно, оказывается, значит это слово — любовь-то!.. Ведь вот-вот глаза у него стылые были, пустые, а тут вроде ожили, засветились. Не верят еще, а светятся. Что-то в них прямо наружу рвется! «Правда?» — спрашивает. А неужели, мол, сам не видишь, что правда? Только потому, что больной ты, первая призналась. А так бы никогда не сказала. Сквозь землю бы скорее провалилась, чем сказала!.. Глажу ему волосы, а он прижался щекой к ладони. Ресницы мокрые и прыгают. Да как глаза откроет, большущие, ясные-ясные такие! Смотрю на него и, поверите, не узнаю: такой он вдруг красивый стал!

Ольга Ивановна тихонько покачивает головой.

— Да... всю ночь я тогда над ним просидела. Все рассказывала, как хорошо станет, когда он поправится, война кончится. Как вместе будем. Думала, уж отстояла я его, загородила... Забудется, постанывать начнет, когда прибредется что, а очнется, увидит, что я рядом, и опять улыбнется. Чисто так, как ребенок малый!.. А перед рассветом вдруг как побледнеет и глаза закатываются. При мне в операционную взяли, а назад-то в палату уже и не завезли. Последнее слово, что от него услышали, мое, говорят, имя было: Оля...

Короткий зимний день идет к концу, недавно еще голубоватые тени за окном резко синеют. Я машинально смотрю, как расплываются по стеклу морозные фиолетовые узоры, и вижу где-то там, за ними, слабое, открытое лицо Леши, с немыслимо черными густыми бровями, а рядом с ним Ольгу Ивановну. Не ту, юную и порывистую, которая осветила последние часы моего товарища и которую я никогда не видел, а нынешнюю: немолодую, облокотившуюся о стол и сосредоточенно трогаящую пальцем пульсирующую на виске жилку...

— Тогда-то только жалела его. А теперь иногда думаю — правда, любила...

Предельная, незащищенная правдивость звучит в этих словах. Ольга Ивановна, ко-

ротко взглянув на меня, задумчиво договаривает:

— Любила, похоже, в нем того, кого так и не встретила...

Словно устыдившись самого прекрасного в человеке — душевной тонкости, Ольга Ивановна виновато вздыхает.

— Нагнала я на вас скуку? Так уж это под настроение. Ничего, мы живые... Дети вот растут — отрада наша.

— Ольга Ивановна, а что за человек ваш муж? — Может быть, немного бестактно спрашиваю я. — Как вообще вам живется?

— Муж? — Ольга Ивановна принимает вопрос без всякого недовольствия. — Человек он неплохой. Работящий. По правде сказать, грубоватый немного. Но это уж, наверно, от работы. Все в дальних рейсах. И нынче вот в Воронеж погнался. Намерзнет, наматается, ну и выпьет, конечно. А уж переберет когда — бывает, чего уж скрывать, — тут он и пошуметь может и безвинную мою вину припомнить. Это Лешу-то!.. Когда-то я ему сама рассказала, а теперь каюсь. Не поймет того, что другое тут!..

Ольга Ивановна усмехается, и снова негромко звучит ее чуть напевный, без всякой горечи, голос:

— А так-то, трезвый, он хороший. Я ведь с ним, сказать, по дому и хлопот никаких не знаю... Так что, если по совести, жаловаться нечего. На работе у меня тоже все хорошо. После войны подучилась немножко, медсестрой сейчас в операционной работаю. Хотелось бы, конечно, и дальше учиться. Так семья, дети, да и годы-то ушли...

Договорившись сходить завтра на могилу Алексея, я наконец поднимаюсь. Ольга Ивановна кивает на бумажник, настороженно спрашивает:

— Вы это заберете?

— Нет, Ольга Ивановна. Пусть у вас останется.

— Ну спасибо вам, — быстро, с явным облегчением говорит она.

— Это вам спасибо.

— Мне-то за что? — удивленно спрашивает Ольга Ивановна...

Утро серое, туманное, при малейшем движении воздуха с веток с сухим шелестом спадает иней.

— Зря от валенок отказались, — выговаривает Ольга Ивановна.

Выбившаяся из-под пухового платка прядка ее темных волос заиндевала. Чем ближе утонувшая в сугробах каменная ограда и широко, словно с тайным смыслом, распахнутые кладбищенские ворота, тем строже и собранней становится лицо моей провозжатой.

— Вот тут, — свернув в сторону, говорит Ольга Ивановна.

Покрашенная алюминиевой, давно потрескавшейся и облупившейся краской пирамидка, врезанные — прямо по дереву — строчки:

Ст. сержант А. Опарин
1921—1943 гг.

Ольга Ивановна достает из-под пальто бледно-сиреневый цветок герани, кладет у подножия. Тут только замечаю, что там уже лежит букетик бумажных роз.

— Добрый человек положил, — кивает Ольга Ивановна.

Я взглядываю на нее раз, другой, сквозь глущую горечь на душе начинает прорастать вначале смутное, но с каждой секундой яснее, кристаллизующееся чувство благодарности и тихой гордости. Благодарности за то, что чутко хранит эта женщина память о Солдате, и гордости, что живет она на Земле.



В. И. Ленин и Н. К. Крупская среди учащихся курсов по внешкольному образованию. 1919 год.

И ожила история...

Года три назад мне довелось побывать в Хвалынске — небольшом приволжском городе. От ребят из хвалынского Дома пионеров я узнал, что в их городе живет учитель, которому посчастливилось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина. И еще ребята сказали, что этот учитель показывал им фотографию, на которой сам Ленин.

Узнав адрес учителя, я пошел к нему домой. И здесь увидел фотографию, о которой говорили ребята.

...На старом снимке запечатлена большая группа людей.

Люди расположились в несколько рядов, много женщин. В центре этой группы — Владимир Ильич Ленин. Чуть прищурены глаза, мягкая улыбка.

Ильич в пальто с небольшим воротником. Пальцы его рук сплетены на коленях. А рядом с Лениным — Надежда Константиновна Крупская.

Николай Алексеевич Коковин — так зовут учителя, сберегшего этот снимок, — рассказал его историю.

— В 1919 году я работал учителем начальной школы в небольшом селе на Севере, неподалеку от Вологды. В начале июля меня и моего товарища Сашу Чешкова Северо-Двинский губернский отдел народного образования послал в Москву на 1-е Всероссийские курсы инструкторов-организаторов по внешкольному образованию. На курсах было человек 120, здесь собрались молодые учителя и

культпросветработники со всех концов страны.

У всех нас, курсантов, была заветная мечта — увидеть Ленина. Встречаясь с Надеждой Константиновной Крупской, мы не раз просили ее пригласить к нам Владимира Ильича. Крупская всегда отвечала, что Ленин с удовольствием приехал бы, но он очень занят.

Осенью 1919 года на фронте гражданской войны сложилось особенно тяжелое положение. Общее собрание курсантов постановило: всем немедленно идти на фронт. 28 октября, перед самой отправкой на фронт, к нам неожиданно приехал Ленин.

Трудно передать, с каким вниманием, с каким восторгом слушали мы речь Ленина. К большому сожалению, речь эта осталась неопубликованной. И я себя до сих пор упрекаю, что не записал ее за Лениным, — добавил Коковин...

В «Правде» за 29 октября 1919 года я нашел маленькую заметку, напечатанную под рубрикой «Хроника». Читаю:

«...Группа учащихся на курсах по внешкольному образованию при внешкольном отделе Наркомпроса выразила желание ехать немедленно на фронт. По этому поводу вчера, 28 октября, курсы посетили тт. Ленин, Луначарский и др., в своих речах приветствовавшие горячий порыв курсантов, идущих на помощь уставшим братьям, сражающимся за светлое будущее».

Теперь, когда вышел в свет

39-й том нового, пятого издания Сочинений В. И. Ленина, все могут прочесть запись текста ленинской речи. Оказалось, что недавно удалось обнаружить рукописный экземпляр этой речи в протокольной записи секретаря. Вот что, в частности, записал секретарь:

«...Приветствуя слушателей курсов, постановивших выехать на фронт в помощь Красной Армии, В. И. Ленин яркими штрихами рисует современное положение на всех фронтах и в тылу у врага... Наше главное внимание сейчас устремлено на Южный фронт, где происходят неслыханные и невиданные кровопролитные бои, где решается судьба не только русской, но и западной революции...»

Офицерские корпуса Деникина прекрасно вооружены. Принимая во внимание восстания в тылу — они бьются с отчаянием. Но сознание рабочих и крестьянских масс проясняется, наблюдается сильный подъем. Наша слабость заключается в том, что мало у нас знающих работников среди крестьян и рабочих. Поэтому в наших учреждениях так много старых чиновников, саботажников и т. д. Необходимо извлечь лучшие силы из народа, дать им знания...

Важно, чтобы сознательные люди, могущие говорить с крестьянами, поднимали дух армии, а потому каждый едущий на фронт должен показать пример храбрости и самоотверженности. Тогда победа будет на нашей стороне...»

Как же сложилась судьба тех, кому посчастливилось сфотографироваться с Лениным 28 октября 1919 года?

Начнем с Н. А. Коковина (1). Он был послан на Северный фронт. В апреле 1920 года, когда военное положение страны улучшилось, Н. К. Крупская телеграммой пригласила курсантов снова в Москву — продолжать учебу. Успешно закончив курсы, Николай Алексеевич едет в Великий Устюг, работает там в губернском отделе народного образования. А в конце 20-х годов переезжает в Поволжье. Преподавал в школе ботанику и учился сам: заочно окончил факультет естествознания Саратовского педагогического института.

Ныне старый педагог на пенсии, но он по-прежнему в строю, занимается общественной работой.

— Ну, а что вы знаете об остальных курсантах? — спросил я у Коковина.

— Вот Аня Локтева (2), — Николай Алексеевич показывает на молоденькую девушку в берете, — она была моей подругой. Когда уходила на фронт, сказала мне: «Хоть изредка вспоминай». На курсы Аня не вернулась, и что с ней случилось, не знаю.

Рядом со мной, в кожанке, Афанасий Капустин (3). Отличный был парень. Погиб на Восточном фронте в декабре девятнадцатого. А это мой земляк Саша Чешков (4). Жив ли, не знаю.

...В Москве я обратился в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Заведующий сектором Владимир Яковлевич Зевин, которому я показал копию снимка, сказал:

— Такой снимок был и в нашем доме. Вот моя мама...

Мать Зевина, Надежду Николаевну Колесникову (5) хорошо знал и высоко ценил Владимир Ильич. Надежда Николаевна — жена Якова Зевина, одного из 26 бакинских комиссаров, злодейски расстрелянных английскими интервентами и эсерами. Сама она тоже была в Баку комиссаром, ведала народным образованием. В августе 1918 года, после падения Советской власти в Баку, Колесникова по решению Бакинского комитета вместе с детьми эвакуировалась в Астрахань. В Астрахани она работала председателем губно-

ма партии. На курсах внешкольников Надежда Николаевна читала лекции по международному положению.

Член КПСС с 1904 года Надежда Николаевна прожила долгую жизнь. Она была видным строителем советской культуры. В 1919 году она работала заместителем Н. К. Крупской во внешкольном отделе Наркомпроса. А когда была организована Академия коммунистического воспитания, Колесникова стала ее ректором. Впоследствии вела большую научную работу в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и в Центральном музее В. И. Ленина.

Один экземпляр той же памятной фотографии хранится в редакции «Работницы». Его передала в журнал семья Нины Николаевны Шульгиной (6). Ни-

на Николаевна стала журналисткой. В годы Великой Отечественной войны она редактировала газету «Водный транспорт», потом работала в «Правде», а последние десять лет жизни была заместителем главного редактора «Работницы». Умерла она в 1959 году.

И еще один курсант стал видным работником советской печати. Это Константин Александрович Губин (7). Он окончил Московский университет, работал редактором газеты «Московский большевик», главным редактором газеты «Известия». Не раз избирался депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР. Ныне К. А. Губин — персональный пенсионер.

Ю. ПЕСИКОВ

На нашей вкладке

Возможно, вам доводилось бывать в квартире-музее Владимира Ильича Ленина в Кремле. А если нет, то наверняка вы знакомы с ленинским кабинетом по снимкам. Помните, слева от письменного стола есть дверь. Она вела в комнату телефонного коммутатора, которую вы видите на этом рисунке. В Кремле ее называли тогда «будкой».

Шел 1919 год, второй год гражданской войны. Красной Армии нужны были бойцы. Мужчины брали в руки винтовки. Один за другим ушли на фронт и телефонисты кремлевского коммутатора.

На смену им пришли девушки.

Анна Руднева потом вспоминала, что, когда в апреле 1919 года ей предложили поступить на работу телефонисткой в Кремль, она и очень обрадовалась и испугалась: справится ли?

Молодость ее смутила и упреждающего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича.

— Вы скоро приведете ко мне малышкой из детсада, — сказал он сотруднице Совнаркома М. А. Авиловой, рекомендовавшей девушку.

Аня обиделась и сразу стала храброй:

— А вы испытайте меня на работе.

Правда, храбрости хватило ненадолго.

Через некоторое время Рудневой пришлось дежурить на коммутаторе одной. Вошедший в будку Владимир Ильич попросил Аню соединить его с одним товарищем. Она страшно растерялась. Заметив это, Ленин спокойно, обстоятельно объяснил, как вызвать нужный номер, у кого узнать, где находится товарищ. Так состоялось «боевое крещение» Ани Рудневой...

Телефонистки быстро освоились с работой, на зубок выучили свои сто двадцать номеров, связанные с кабинетами и квартирами членов Политбюро, правительства и наркомов, со штабами Красной Армии, с Петроградом, Харьковом и другими городами.

Выпадали иногда телефонисткам и секретарские обязанности: они выполняли разные поручения Владимира Ильича. Девушки всегда знали и чувствовали, и это было самое главное, что к ним, техническим исполнителям, В. И. Ленин относился как к серьезным своим помощникам.

Вспоминая те далекие годы, бывшие телефонистки кремлевского коммутатора А. Н. Руднева и Е. Н. Абрамова рассказывают, сколько чуткости и такта было в отношении Владимира Ильича к тем, с кем ему приходилось работать.

Каждый день, как бы ни был занят Владимир Ильич, как бы себя ни чувствовал, он не забывал зайти в будку, чтобы поздороваться с телефонистками. Уходя домой, не забывал пожелать им спокойной ночи.

Телефонистки не помнят случая, чтобы при всей своей занятости Владимир Ильич не ответил хотя бы на один звонок, хоть раз попросил бы не соединять его с кем-то по телефону.

...Коммутатор в Кремле. Маленькая угловая комната. Сколько важнейших ленинских указаний было передано из нее по этому старенькому аппарату!

Ю. РАКУТИН.

В. И. ЛЕНИН И ТЕЛЕФОНИСТКИ (акварель).

ВСПОМИНАЕТ К. А. ГУБИН,

член КПСС с 1919 года

Э то было очень трудное время. Молодая Советская республика отражала натиск иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Но даже в этих суровых условиях партия не забывала о задачах просвещения народных масс, вооружения их знаниями, необходимыми для социалистического строительства.

Да и сами массы тянулись к свету, к знаниям, которых были лишены при капитализме. Необходимо было удовлетворить эту жажду образования у взрослых. Повсюду создавались народные клубы, библиотеки, музеи, лекционные бюро. А кад-

ров для работы в этих учреждениях не было.

Внешкольным отделом Наркомпроса заведовала тогда Н. К. Крупская. По ее инициативе в июне 1919 года в Москве были созданы 1-е Всероссийские курсы инструкторов-организаторов по внешкольному образованию.

В числе слушателей курсов были и люди солидного возраста, но преобладала зеленая молодежь. Много училось женщин. Какую-то часть составляли библиотечные работники, заведующие клубами, а больше всего было учителей. С учительской работы в сельской школе Архангельской области командировали на эти курсы и меня.

Жизнь курсантов была нелегкой: получали осьмушку хлеба в день. Но не зря говорят, что не хлебом единым жив человек. В нас было много задора, энтузиазма, и все трудности переносились легко.

Лекции нам читали по самым разным предметам — от государственного устройства и политической экономии до театра, музыки,

ораторского искусства (так называемые «лекции о лекциях»). Практические занятия велись даже по театральному гриму.

Занятия курсов в основном проходили в доме съездов Наркомпроса (М. Харитоньевский пер., дом 4), где сейчас находится Институт машиноведения.

Курсы продолжались до конца октября. Октябрь был самым трудным месяцем в том очень трудном 1919 году. Центральная Россия оказалась в окружении врагов. В этих условиях ячейка коммунистов, а затем и все курсы объявили себя мобилизованными.

28 октября перед отправкой на фронт состоялось заключительное собрание курсантов. Как же мы были рады, когда на это собрание вместе с Н. К. Крупской приехал Владимир Ильич Ленин!

После выступления Владимир Ильич предложил сфотографироваться.

— В память встречи с вами, — сказал он с улыбкой.

Мы были счастливы!

РАССКАЗЫВАЕТ А. И. НУХРАТ,

член КПСС с 1919 года

В семье хороших моих друзей Валитовых тоже хранится этот снимок. На курсах по внешкольному образованию учился глава семейства — Абдурахман Валитов (8). Сейчас он работает в Министерстве просвещения РСФСР.

Есть на снимке и еще лица, которые я узнала и очень этому обрадовалась.

С Евдокией Яковлевной Орловой (9) я познакомилась на женотдельской работе в Чувашии в 1921 году. Другая моя знакомая — Марина Петровна Максимова (10). И Орлова и Максимова — чувашки. Боевые и деятельные коммунистки, они были активными организаторами просветительской работы среди женщин. Орлова — первая заведующая женотделом Чувашского обкома

РКП(б). Максимова сменила ее. Марину Петровну я знаю ближе. Она и сейчас заезжает ко мне в Москву, когда выбирается на юг отдохнуть. Энергична, увлечена своим женсоветом. Максимова отдала политическому просвещению женщин Чувашии, Башкирии, Казахстана добрый десяток лет. В годы коллективизации она была выдвинута председателем райисполкома в Куйбышевской области. Вскоре поняла, что коммунисту, работающему в деревне, нужнее всего сельскохозяйственное образование, и, хотя было ей сорок лет, пошла учиться в Тимирязевскую академию, на обычную студенческую стипендию в десять рублей. Окончила факультет механизации сельского хозяйства. Стала инженером МТС на своей родине, а потом много лет преподавала в школе механизаторов. Теперь на пенсии.

На снимке я увидела еще одну свою давнюю подружку, Ольгу Николаевну Волкову (11).

В 1918 году она, сельская учительница, сражалась в партизанском отряде рабочих города Богоявленска. Была медицинской сестрой, а в бою, ко-

гда требовалось, становилась и стрелком и пулеметчицей. Тут же, в походе, учила красноармейцев грамоте.

В освобожденном от белых Стерлитамаке Ольгу Николаевну избрали в уездный комитет партии. Работала в отделе народного образования. А потом выехала в Москву на Всероссийский съезд по внешкольному образованию и поступила на курсы.

После памятной встречи с Владимиром Ильичем Лениным отправилась на Туркестанский фронт. Работала в штабе фронта инструктором красноармейских школ. Демобилизовавшись, приехала в Уфу. Помню, что о ней писали в те годы, как о самом лучшем организаторе женских делегатских собраний. В красной косынке и кожаной тужурке, с твердым взглядом, она вполне оправдывала уважительно-шутливое звание «Уфимский наркомбаб».

Позже партия послала Ольгу Николаевну на женотдельскую работу в Узбекистан. Оттуда она вернулась в Уфу тяжело больной и ушла на пенсию. Сейчас Ольге Николаевне 80 лет.





МАШИННЫЙ ЗАЛ
БРАТСКОЙ ГЭС.

Фото Г. КОПОСОВА.

БРАТЧАНКИ

Слово теплое и крепкое, как рукопожатие друга, «Братск». Десять лет назад, когда вся страна узнала его, оно звучало символом нашего завтра, мечты, будущего.

А потом мы привыкли к мельканию этого слова на газетных полосах. Привыкли, что в Братске многое должно стать «самым»: уж если плотина, так небывалого в стране роста; уж если водохранилище, так крупнейшее из искусственных; уж если алюминиевый завод, так не имеющий себе равных.

И очень хотелось познакомиться с людьми, создающими все это «самое».

...В пятьдесят шестом году я была на строительстве линии электропередачи Иркутск — Братск. Палаточный городок в тайге, неподалеку от деревни Тулюшки.

Девчонки-москвички в выгоревших ковбойках и перемазанных засохшей глиной сатиновых шароварах сетовали на судьбу:

— Разве мы в эту Тулюшку ехали? Мы Братскую строить ехали.

И совали под нос «начальству» — чрезмерно серьезному по причине крайней молодости прорабу — тверденькие алые комсомольские путевки, в которых тушью каллиграфически было выведено: «Направляется на Братскую ГЭС».

— А мы и строим Братскую, — устало отмахивался прораб. — Узкое у вас понимание. Думаете, ГЭС — только сама станция. А дороги? А лес рубить? А провода тянуть?

И сыпал грандиозными цифрами. Но цифры эти еще больше расстраивали девчонок.

— Тоже мне, трудности, — насмешливо кипятилась одна, с облупившимся от загара носом. — Зон ягод под ногами навалом.

С такой обидой про ягоды, будто они обилием своим и сладостью как-то не соответствовали высокой суровости ее мечты.

Они мечтали о необычном, о просторе для проявления решительности и мужества. И в ожидании тех необыкновенных трудностей каждый день преодолевали обыденные — и напряжение тяжелой работы, и морозы, и изнуряющую слякоть, и неустойчивость быта.

Подвиг рождался постепенно, исподволь, общий подвиг тысяч строителей Братска. За десять лет на Ангаре сотворили огромное. Дадим слово цифрам. 100 миллионов «кубиков» скалы и земли вынули строители, 7 миллионов кубов бетона и железобетона уложили. Линии электропередачи уверенно отшагали за эти годы 3 тысячи километров.

«Гидростанция века», как называют Братскую ГЭС за рубежом, дала живительную энергию таким новорожденным предприятиям, как Коршуновский горно-обогатительный комбинат, лесопромышленный комплекс, алюминиевый завод. Эта энергия питает сегодня обширный район Сибири — от Улан-Удэ на востоке до Кузбасса на западе.

Недавно управление «Братскгэсстрой» награждено орденом Ленина. Среди строителей, удостоенных высоких правительственных наград, немало и женщин.

Золотая Звезда Героя Социалистического Труда украсила грудь бетонщицы Валентины Алексеевны Дробышевой. Она в Братске с первых дней стройки. Приехала сюда уже квалифицированным мастером: накопила опыт на возведении Иркутской ГЭС. Самые трудные и ответственные задания поручали ей. Ее звену принадлежит рекорд: за один человеко-день укладывали до 8

кубометров бетона. И недаром, когда плотина, перегородившая Ангару, выросла до проектной отметки — 127 метров, самый последний «кубик» бетона доверили уложить именно Валентине Алексеевне. Для бетонщика нет чести выше!

Десятилетие назад породнились с грандиозной стройкой Нина Михайловна Петухова и Раиса Ивановна Светышева, награжденные орденами Ленина. Обе они делают железобетон. Открытый полигон в условиях Братска — это и 40 и 45 градусов ниже нуля, это и пронизывающая метель и дожди. Но железобетон был нужен Братску, как воздух, и женщины даже в самую лютую непогоду ухитрялись перекрывать норму.

«Все десять лет своим трудом активно влияла на ход строительства Братской ГЭС», — так писали товарищи Раисы Ивановны Светышевой по работе, представляя ее к почетнейшей награде. Весомые, полные глубокого смысла слова! Казалось бы, велико ли для такой махины значение труда одного человека. Но ведь Братск не стал бы сегодняшним Братском, если бы братчане работали по-иному. Если бы не отдавала стройке все силы Таисия Васильевна Шахова, оператор-дозировщик бетонного завода! Она так мастерски научилась расходовать цемент для различных марок бетона, что сегодня на ее счету уже 8 900 тонн сэкономленного драгоценного материала. Если бы с такой добросовестностью не строила дороги Надежда Николаевна Барсукова и не выросла в замечательного мастера леса Анна Андреевна Гордий!..

А сколько славных имен не вместил правительственный Указ! Поздравляя сегодня братчанок, мы не можем забывать и тех тружениц, что причастны к высокой награде, хотя они и в глаза не видали своенравной Ангары. Тех ленинградок с Металлического завода и «Электросилы», тех работниц Новосибирска, что принимали участие в создании для Братска уникальных гидроагрегатов. Женщин Челябинска и Новокузнецка, вложивших тепло своих рук в бетонные эстакады. Тех свердловчанок, что готовили для Братска высоковольтную аппаратуру, и работниц Запорожья, что делали для гидростанции мощные трансформаторы.

Невозможно перечислить всех, породнившихся с Братском своим трудом!

...На днях мне довелось побывать на ленинградском Металлическом заводе имени XXII съезда партии. Там я познакомилась с электросварщицей Клавдией Степановной Лемешевой, награжденной орденом Ленина за участие в создании турбин для Братска. Клавдия Степановна на заводе — почти тридцать лет. Всю блокаду провела здесь: сваривала швы на танках, бронепоездах, понтонах.

Маленькая женщина в мешковатой брезентовой робе. Тихий голос. Смущенный румянец. Про работу свою говорит совсем по-домашнему:

— Варю. Да, для братских турбин вспомогательное оборудование варила. А раньше — для Волжской ГЭС варила, для Воткинской, для Череповца. Строим-то их сколько! А на новую пятилетку еще больше планы: будем готовить турбины на Красноярскую, Саратовскую, Нижне-Камскую. Пускай строители не сомневаются. Мы пятилетку не подведем!



Валентина Алексеевна Дробышева.

Фото А. БЛОХНИНА.



Клавдия Степановна Лемешева.

Фото А. СЕРОВА.

Пятилетка... Новые планы, новые мечты, еще более грандиозные. Сегодня «самая» — мы уже говорим о набирающей силы Красноярской ГЭС. Братск передает эстафету дальше.

Т. АНАТОЛЬЕВА

РАССКАЗЫВАЕТ МИНИСТР ТОРГОВЛИ СССР А. СТРУЕВ

Каждый знает, как много сил и времени отнимают повседневные заботы, связанные с домашним хозяйством. В Директивах съезда партии по пятилетнему плану много внимания уделено мерам, которые призваны улучшить быт советских людей, превратить службу быта в крупную, механизированную отрасль народного хозяйства.

Как изменится в ближайшие годы работа магазинов, столовых, домашних кухонь? Как позаботятся работники прилавка об удобстве покупателей? На эти вопросы отвечает министр торговли СССР Александр Иванович СТРУЕВ.



Позвольте начать с цифр. В прошлом году на каждого жителя страны в среднем продавалось промышленных и продовольственных товаров на 449 рублей. К 1970 году цифра эта должна возрасти примерно до 608 рублей. И дело не только в количестве товаров. Изменится, станет богаче ассортимент. Мы постараемся добиться, чтобы исчезла так называемая проблема дефицитных товаров,— к концу пятилетки в магазинах появится значительно больше трикотажа, обуви, холодильников и других нужных, красивых вещей. Наша задача — сделать так, чтобы человек, пришедший за покупкой, выбрал именно то, что ему нужно.

Но чем богаче и разнообразнее выбор товаров, тем лучше должна быть организована торговля. Если за приглянувшейся вещью надо ехать на другой конец города или стоять в очереди, поневоле потеряешь к ней интерес. Вот почему мы предусматриваем значительно увеличить количество магазинов, складов и других торговых предприятий. Они будут в большинстве своем крупными, современными, хорошо оборудованными. И к размещению магазинов мы теперь подходим по-иному. Прежде чем будет построен новый магазин, экономисты не раз проверят, насколько он необходим именно здесь, удобен ли жителям этого района.

Опыт показал, что промтоварные магазины в больших городах удобнее делать специализированными. Новые пальто, шкаф или холодильник нужны не каждый день, и лучше покупать их в специальном крупном торговом центре, где есть широкий выбор. А вот то, что мы покупаем ежедневно,— хлеб, молоко, мясо,— удобнее собрать в универсальном магазине, чтобы покупатель мог наполнить свою сумку всем необходимым с минимальной затратой времени.

Мы стремимся сейчас шире вводить прогрессивные, современные формы торговли. Товары сами должны искать покупателя — дома, на улице, даже на работе. Продажа по образцам, предварительным заказам, по почте, доставка на дом, открытая выкладка товаров, магазины самообслуживания — все это удобно и покупателям и государству.

Вот одна из таких форм торговли, очень теперь популярная,— продажа продуктов по предварительным заказам. За последние полтора года число магазинов, имеющих отделы, столы заказов, удвоилось, торгую-

щие организации стали принимать заказы прямо на заводах, фабриках, в учреждениях. Что может быть удобнее для работающей женщины! И все-таки лишь немногие пользуются этой хорошей новинкой: столов заказов пока не хватает. Почему? Прежде всего из-за отсутствия подходящих помещений, нехватки рабочих рук. Решить эту проблему поможет строительство крупных магазинов-баз с производительностью 3—5 тысяч заказов в день и механизацией большинства процессов. Типовой проект такого магазина создан. Уже построен гастроном «Стрела» в Ленинграде, который блестяще себя оправдывает. В ближайшее время двойники «Стрелы» появятся и в других крупных городах страны.

Удобна, особенно летом, торговля на улице с открытых лотков и киосков. Она будет всемерно расширяться. Наконец, ярмарки. Москвичи и гости столицы очень любят ярмарку в Лужниках — целый торговый город из легких павильонов, который работает с весны до поздней осени и обходится государству, кстати говоря, в несколько раз дешевле капитальных магазинов. Мы ставим задачу создать за пятилетку подобные торговые городки во всех областных центрах.

В торговле многое зависит от продавца. Порой покупатель не находит нужных товаров не потому, что их нет, а из-за невнимательности или безразличия человека за прилавком. Мы будем лучше готовить торговые кадры, прививать им культуру обслуживания. Продавец должен быть и материально заинтересован в том, чтобы покупатель не ушел без покупки, да еще с испорченным настроением. Поэтому с прошлого года пересмотрена система оплаты и премирования торговых работников. Широко применяется, например, оплата по выработке: чем больше сумма, на которую продан товаров, тем больше зарабатываешь. Понятно, что у продавца вежливого, культурного, умеющего дать дельный совет, люди будут покупать охотнее.

Теперь об общественном питании. Ему, как известно, сейчас придается особо большое значение, и в первую очередь столовым в учреждениях и на предприятиях, где каждый день обедают миллионы работающих людей. К сожалению, можно еще назвать фабрики, заводы, стройки, где рабочие в перерыве вместо горячего обеда жуют сухие бутерброды. И чаще всего в этом повинны сами предприятия. Потому что именно они обязаны позаботиться о

помещениях для столовых. Волгоградский тракторный завод, например, за несколько месяцев реконструировал семь своих столовых, приобрел новое оборудование. Все необходимые проектные и монтажные работы были выполнены на общественных началах. На предприятиях Волгограда реконструировано таким образом 60 столовых. Так же действуют предприятия и общественные организации в Кривом Роге, Киеве и других городах.

За последние годы улучшилась организация детского питания, больше стало школьных столовых и буфетов. Теперь есть все возможности кормить горячими, сытными завтраками всех школьников, а не только тех, кто посещает группы продленного дня. Но используются эти возможности, к сожалению, не везде. И это нас очень беспокоит. Торговые организации и органы просвещения обязаны оборудовать в каждой школе помещение для питания детей, увеличить продажу завтраков и обедов по абонементам. Мы сделаем все от нас зависящее, но мы вправе рассчитывать на самую широкую помощь органов народного образования и общественности.

Начиная с прошлого года школы строятся по новым проектам, где обязательно предусмотрена столовая. Кроме того, за пятилетку в стране будет построено 100 комбинатов школьного питания, каждый из которых будет обслуживать 20—25 школ.

Постоянно заботимся мы и об увеличении общей сети предприятий общественного питания. Особенно много появится специализированных кафе и столовых — сосисочных, котлетных,пельменных, кафе-молочных, детских кафе, а также домашних кухонь и магазинов полуфабрикатов. Они удобны и экономят время.

Всех интересует улучшение качества питания, снижение его стоимости. Это зависит от многих причин, и не все нам удастся решить сразу, в ближайшее время. Очень важно, в частности, наладить широкое, повсеместное применение полуфабрикатов. Пищевые предприятия будут производить их во все большем количестве. Благодаря этому у работников столовых и домашних кухонь появится возможность тратить меньше сил и времени на обработку продуктов, готовку. Тогда блюда будут дешевле, а качество выше. Наконец, будем развивать подсобные хозяйства, расширять свинооткорм. Это проверенный источник удешевления питания в столовых.

С

ветлые колонны делают цех непривычно высоким. Держат равнение новенькие пневматические станки, радующие глаз плавностью и законченностью форм. Их фиштактовый цвет хорошо гармонирует с матово-терракотовой окраской стен. А на стене фреска: уверенно распрямившись, стоит ткачиха, и через руки ее легким потоком льется ткань...

Вот, значит, как будет выглядеть наш ткацкий! Только что из Москвы привезли эскизы: художники делали их специально по нашему заказу. Каждую деталь этих эскизов заранее обсуждали, но вот сейчас вглядываюсь я и не узнаю свою Купавну. Ту Купавну, про которую могу сказать словами песни: «Мне все здесь близко и знакомо, все в биографии моей».

Больше двадцати лет связано с фабрикой. Фабрика дала мне право на самое почетное на земле звание — звание рабочего. Фабрика меня учила. Здесь я вступила в партию.

И сейчас, вглядываясь в непривычное, завтрашнее лицо старенькой Купавны (исторические документы уверяют, что ей уже за 200 лет), я думаю: не из легких та задача, которую мы на себя взяли.

Через полтора года весь наш народ будет праздновать великий юбилей: Советской власти исполнится полвека. Настоящая хозяйка дом к празднику до пылинки вычистит, постарается украсить. В новой, просторной квартире особой смекалки от хозяйки не требуется. А вот попробуй старую изменить до праздничной неузнаваемости!

То же и с фабрикой. И дело, конечно, не только в окраске стен или колонн. Мы хотим, чтобы Купавну в любом отношении можно было назвать предприятием высокой культуры и организации труда. Чтобы никаких скидок на старость да непригодность помещений! Технологию должны наладить совершенную; оборудование частично обновить; ручные работы потеснить механизацией; отрегулировать как следует вентиляцию; выстроить специальное помещение для бытовок...

Словом, планы большие. Надеемся, что достойно встретить великий юбилей поможет нам новая система планирования и экономического стимулирования, предложенная сентябрьским Пленумом ЦК партии. На эту систему наша фабрика перешла с 1 января — первая и пока что единственная из тонкосуконных предприятий.

Повышение ответственности предприятия перед государством и расширение его прав — так назвала бы я суть новой системы. Ведь прежде предприятию спускали сверху десятки показателей, и вся его хозяйственная деятельность строго регламентировалась. На этот же год для нас установлены лишь объем реализуемой продукции, прибыль и фонд заработной платы. Ассортимент мы определяем на основании прямых договоров со швейниками и торгующими организациями.

Новая система заставила по-иному взглянуть на вещи привычные. Вот я спрошу вас:

— Выгодно ли для коллектива получить максимально напряженный план?

— Хорошо это — иметь большой запас сырья на складе?

— Отражается ли на вашем личном достатке простой в цехе лишнего оборудования?

Еще недавно многие ответили бы: нет, максимально напряженный план для коллектива невыгоден — его трудно перевыполнить, а ведь за сверхплановую продукцию премии начисляются выше. И запас сырья не помешает, места не пролежит. А относительно простаивающего оборудования — на личный достаток работников фабрики это ни в какой мере не влияет.

Новая же система диктует другие ответы. Чтобы план был максимально напряженным, это выгодно и для государства и для самого предприятия. Потому что плановый рост продукции будет отмечаться большим материальным поощрением, чем перевыполнение плана.

Вот почему так важно заранее взвесить все свои возможности, тщательно подсчитать, что и где можно сэкономить, сберечь.

Мы на этот год взяли план напряженный, но реальный. Достаточно сказать, что прибыль рассчитываем увеличить против прошлого года на 28,8 процента. Прежде чем родилась эта общая цифра, скрупулезно выверялись и уточнялись будущие задания для каждого цеха, каждого участка, каждой бригады. Так что над планом в «соавторстве» с экономистами работал весь коллектив.

Говорили люди конкретно, деловито:

— У нас в цехе который год два станка без дела стоят. А станки эти в основных фондах числятся, да? Значит, и за них будем



Фото Н. МАТОРИНА

Мария РОЖНЕВА,

секретарь парткома Купавинской тонкосуконной фабрики имени Акимова

Разведка гелом

отчислять средства государству. Не по-хозяйски это! Надо станки продать: и людей выручим, им эти станки, может, позарез нужны, и для нас выгода...

— А разве дело — смешивать отходы шерсти разных цветов, разных артикулов? Ведь только в дешевых тканях можно использовать эту смесь. Надо угары сортировать. Дополнительная работа? Так зато отсортированные угары в более дорогие ткани пойдут...

— В наш ткацкий такие детали для машин поступают, что самый квалифицированный слесарь 4—5 часов на «подгонку» тратит. До каких пор с этим мириться? Это же ремонт задерживает, сколько метров ткани недодаем!

Видите, как цепко уловили люди существо дела!

Каждая работница знает: если в этом году мы выполним взятый план, то сумеем отчислить значительные суммы и в фонд развития предприятия, и в фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, и в фонд материального поощрения. 180 тысяч рублей сможем израсходовать на совершенствование технологии, закупку нового оборудования, механизацию. 111 тысяч — на строительство жилья, детских учреждений, на расширение недавно открытого комбината бытового обслуживания. А фонд материального поощрения составит 360 тысяч рублей. Сумма немалая, правда? Помимо ежемесячных премий, в конце года фабрика сможет выдать рабочим и служащим довольно большое единовременное вознаграждение. Каждый не только морально, но и материально куда больше заинтересован и в том, чтобы самому работать хорошо, и в том, чтобы хорошо работал сосед, бригада, цех и вся фабрика.

Возьмем, к примеру, сокращение отходов. Чем прежде могли мы наказывать человека, который не старается экономить сырье и вспомогательные материалы? Стыдили, совестили, в газете протаскивали. Однако есть такие, у которых совесть молчит, пока не ударишь их по карману. Вот теперь, когда бригады переходят на хозрасчет, мы и сможем делать это. Для каждого комплекта разрабатывается свой заказ-наряд, предусматривающий строго определенное количество отходов. Надо сказать, задача это сложная. Ведь пока еще нет научно выверенных норм отходов. Наши экономисты разрабатывают их на свой страх и риск, учитывая особенности сырья и оборудования, тщательно изучая приемы работы передовиков. Норму отходов нельзя занижать, чтобы она была нереальной. Но в то же время надо ее сделать такой, чтобы она подтягивала разгильдяев. Сумеешь дать отходов меньше нормы — значит, прибавил себе дополнительный заработок.

И так всюду. Заинтересован-то вроде человек материально, но ведь эта заинтересованность, заставляя его лучше разбираться во всех тонкостях производства, воспитывает в нем то самое хозяйское отношение к делу, о котором Ильич говорил: «Только тогда начнется переход от социализма к коммунизму, когда каждый рабочий сможет и действительно будет практически участвовать в хозяйственном руководстве».

Естественно, меня, как партийного работника, очень волнует этот вопрос — о правильном сочетании морального и материального стимулов. Казалось бы, очевидная вещь: если человек замечательно работает, необходимо его отметить, выделить чем-то среди других. Чем? Вынести благодарность, вручить почетную грамоту, занести его имя в Книгу почета, посвятить ему «молнию»... Если сделать это не казенно, а тепло, с выдумкой, у человека поднимется настроение, событие станет памятным и для него и для других. Но пока еще для каждой нашей семьи имеет значение заработок. И мне кажется важным, что при подведении итогов года размер единовременного вознаграждения будет определяться по-разному: предполагаемый средний размер его — двухнедельный заработок, максимальный — четырехнедельный. Во внимание принимаются, помимо производственных показателей, и дисциплина работника, и его общественная активность, и стаж его работы на фабрике. Ветеранов с более чем двадцатилетним стажем у нас на фабрике свыше 400 человек. Это наш костяк, наша опора. И справедливо, что вознаграждение их будет выше.

Конечно, расходование фонда материального поощрения — дело сложное и тонкое. Никого нельзя обидеть или не по заслугам поощрить. На мой взгляд, было бы здорово, если бы сама бригада, подводя итоги года, откровенно поговорила об успехах человека или, напротив, о его промахах. Это помогло бы дирекции и фабкомму избежать ошибок. Впрочем, проживем — увидим. Чего-чего, а уж возможностей для поиска у нас сейчас хоть отбавляй...

Я рассказываю о новом, появившемся на фабрике, и невольно ловлю себя на мысли: может создаться впечатление, будто прежде все у нас было плохо, а мы сидели сложа руки. Нет, конечно. Но в том-то и мудрость партии, в том кровная связь ее с народом, что на обсуждение Пленума были вынесены вопросы

наболевшие, над решением которых, как могли, бились мы и прежде.

Выпускали мы раньше в основном чистошерстяные мужские драпы. До поры до времени раскупали их, что называется, «под метелочку». И вдруг одна партия товара осела на складе, вторая, пятая... А план по-прежнему выполнялся и по валу, и по себестоимости, и по производительности. Фабрика по-прежнему ходила в передовых.

Вот он, порок прежнего планирования! Зачастую в погоне за валом мы не учитывали сегодняшние потребности наших людей. Помните, в чем мы ходили после войны? Помните, как и позднее в магазинах не на чем было глазу остановиться? А как стали появляться на прилавках все новые да новые ткани — нарядные, дешевые, практичные, с современной выработкой, — на наши дорогие, но уныло однообразные драпы спрос и упал.

Серьезно пришлось нам поломать голову над тем, как вернуть своей продукции популярность. Пошли мы той же дорогой, что и многие предприятия легкой промышленности: расширили отдел сбыта, разослали людей на швейные фабрики, в магазины, на конференции покупателей изучать спрос. Стало ясно: ассортимент необходимо резко расширить и удешевить за счет добавления в ткань синтетических волокон. Создали художественную мастерскую. Надо отдать дессинаторам и колористам должное: за короткий срок они сумели разработать новые, интересные образцы.

Хочется мне рассказать один эпизод. Заглянула я как-то в художественную мастерскую. Вижу, дессинаторы работают над улучшением дорогих женских драпов. А надо сказать, дорогие ткани снова сейчас входят в моду, и те мужские, что некогда повергли нас в панику, на прилавке не залеживаются. Я знаю, что драпы «ходовые», и спрашиваю:

— Зачем же их подрабатывать? Их же и так раскупают!

А женщины отвечают:

— Да раскупать-то раскупают. Но нам самим ткань не нравится. Такая дорогая, а ничего в ней современного, особенного. Видите, какая у людей ответственность за свой труд!

Вот благодаря таким труженицам, благодаря прядильщицам Серафиме Враговой, Марии Кругловой, Римме Комоловой, ткачихам Татьяне Бубновой, Татьяне Заботновой, Татьяне Горбуновой и сотням тех, чьи имена я просто не могу здесь перечислить, добились мы того, что за последний год у нас не было ни одного отказа потребителей от ткани. Ассортимент за год изменили почти наполовину! И были вознаграждены: на ярмарке в начале 1965 года прямые договора с нами заключили такие требовательные и авторитетные потребители, как ГУМ, ЦУМ, «Дом тканей», крупнейшие швейные фабрики разных городов. Неловко хвалиться, но, действительно, ткани мы стали вырабатывать неплохие. Многие из вас встретятся с ними в магазинах или ателье. Сомневаюсь, чтобы женщины устояли перед «Мечтой» цвета слоновой кости, с модным переплетением рогожкой, или перед серо-зеленой, под цвет полыни, «Купавинкой», или перед «Славянской».

Но не могу я не сказать и о том, что нас тревожит. Как известно, запасы на складах по новым условиям разрешены лишь трехнедельные. За излишки, будь добр, плати в банк шесть процентов. Так что скопидомство, за которое прежде в ножки снабженцам кланялись, при переходе на новую систему не очень добрыми словами мы поминали. Шутка ли, излишков сырья на наших складах скопилось на сумму свыше 3 миллионов рублей, а красителей — на 144 тысячи! Немало мороки доставляет их реализация.

Бесспорно, новые условия очень разумные. Подумайте, сколько сырья, позарез нужного где-то, пылится у запасливых скопидомов! Но ведь не просто же нелепая жадность или привычка к перестраховке заставляет хозяйственников наращивать запасы «на всякий случай»? Разве сейчас у нас есть полная уверенность, что, распродав излишки, мы в дальнейшем будем получать сырье, красители, химические материалы вовремя, нужного ассортимента, необходимого качества? Нет такой уверенности. Вот в начале года был у нас перебой в снабжении полутонкой шерстью. Но потребители наши, прямые договора с которыми обязывают нас поставлять ткани всех артикулов строго по графику, не должны были страдать из-за этого перебоя. И мы вкладывали в ткани более дорогой сорт шерсти, сознательно шли на убытки.

Выход один: как можно скорее наладить систему сквозных договоров, чтобы наша ответственность перед швейниками подкреплялась договорной ответственностью перед нами предприятий, поставляющих сырье, красители, детали для машин, оборудование.

В каждом деле нелегко быть разведчиком. Нелегко, ответственно, но зато почетно. И мы будем очень рады, если наш опыт поможет другим при переходе на новый порядок планирования и экономического стимулирования.

За что уважают

седину

Здравствуйте, Антонина Ивановна!

Вероятно, это письмо будет для Вас неожиданным: ведь на том памятном собрании разговор вроде бы был исчерпан. Но я все-таки хочу вернуться к нему, потому что кажется мне: Вы так ничего и не поняли.

Ваше письмо в редакцию, причина нашего знакомства, начиналось с горькой строчки: «Моя седина была очень оскорблена...» Оскорблена... Мы тоже так считали, когда прочли Ваш рассказ.

«Я двадцать девять лет работаю на одном заводе. Здесь прошла моя юность, молодость. Здесь я вышла замуж. Родила двоих детей и мужа на фронт проводила, а с фронта он так и не вернулся. Осталась я одна с детьми. Время было трудное. Работали по 12 часов в сутки. Сейчас трудности позади. Дети выросли. Пошли работать на завод, где работал их отец, где работаю я...»

Кто же посмел оскорбить Вас? Девчонка! Не так давно пришла на завод. Работала сначала рядовым контролером ОТК, потом мастером. Правдами и неправдами добилась назначения на пост старшего мастера. Словом, выскочка, карьеристка. Свою деятельность начала с речи, достойной лишь самодура: «Кто не будет выполнять моих указаний, буду применять самые строгие меры! Кто будет лишнее про меня болтать, того ждут неприятности!» «Непонятно,— писали Вы,— как может позволять себе такое кандидат в члены Коммунистической партии!»

В самом деле, можно ли мириться с тем, что молодой мастер грубит пожилым работникам? Как могла она созвать собрание и публично отчитать Вас, не особенно заботясь о выборе выражений, только за то, что Вы во время работы перекинулись несколькими словами со своей подругой? «Оскорблениям нет конца...»

При встрече Вы тотчас согласились с моим предложением обсудить письмо в коллективе. И я подумала тогда, что достойный человек всегда с от-

крытым забралом отстаивает правду.

Обсудить письмо собрались все Ваши товарищи по работе. Двадцать человек, контролеров ЦБК. Совсем молоденькие девушки — вероятно, на заводе они недавно — и женщины, чьи волосы тронуты сединой, они не один год бок о бок работают с Вами. Да, Вы выбрали авторитетного судью — коллектив. Ему не нужно знакомиться с делом: он знает его в каждодневных подробностях, к тому же коллектив Ваш дружный и справедливый. Так ведь Вы отрекомендовали мне его при встрече?

Все волнуются. Все торопятся высказаться. И что же?

Мягко говоря, на самом деле все не так, как Вы «обрисовали» в письме. «Карьеристку», оказывается, долго уговаривали занять должность старшего мастера. «Грубьянка» завоевала уважение в коллективе тем, что «всегда все объяснит, с чем ни обратиться, поможет, подскажет». Девчонка, которой еще слишком рано командовать людьми, проявила себя как толковый руководитель, строгий и честный, принципиальный и требовательный. «До Светланы,— говорили на собрании,— на участке было много беспорядка. Сверхурочных часов в конце месяца не сосчитать. Работали спустя рукава, а потом поднажимали». «При ней честнее жить стали». А Вам, Антонина Ивановна, просто не понравился справедливый упрек мастера, что работаете Вы не так, как можете. И вот за это...

Рядом с Вами на собрании сидела «обвиняемая» — Светлана Федоровна. В ее глазах была не столько обида, сколько недоумение, испуг. Она растерянно повторяла: «Как же так, Антонина Ивановна? Как вы могли?..»

Как же так? И я пытаюсь найти доводы, не оправдывающие, а как-то объясняющие Ваш поступок, и не могу.

Вы говорили, что любите свой завод, цех. Это естественно: Вы здесь прожили жизнь. Но в таком случае Вы должны радоваться своей смене — мо-

лодым, которые хорошо работают, учатся, растут... А вместо этого — непостижимое злопыхательство: «Была рядовым контролером, пролезла в мастера».

Да, сейчас все больше и больше молодых на командных должностях. Приходят они после вузов, техникумов не только в ваш цех и не только на ваш завод. Молодому руководителю всегда трудно. Институт окончен, а вот жизненный университет едва начинается. И не всегда сразу находит он верную линию поведения с коллективом. Зависит это не только от него, но и от тех, кто младше по чину, а старше по возрасту, — от кадровых, опытных рабочих. Начинаящему командиру просто необходимо их доброжелательное отношение. Необходимо, чтобы они и помогали ему и поправляли, когда это требуется.

У Вашего молодого мастера не очень легкая жизнь. Серьезная работа, семья, ребенок, да еще вдобавок она учится в институте, ведет общественную работу. Казалось бы, кто, как не Вы, мать взрослых детей, человек, знающий, что такое трудные минуты в жизни, должны понимать Светлану. Вы, Антонина Ивановна, многим могли бы и помочь ей. Все говорят, что Светлана — знающий специалист. Но ведь в каждой работе встречаются моменты, которые, помимо знаний, требуют и какого-то почти интуитивного чутья, опыта.

Могли бы вы помочь Светлане и не только советом. Обычно кадровые рабочие задают тон в коллективе. Они для каждого как бы барометр поведения. О том, какой тон задаете Вы, Антонина Ивановна, я услышала от ваших товарищей. Есть, к примеру, у вас, контролеров, работа, которая легко учитывается, — это когда проверяются готовые приборы. Если же собранных приборов нет, контролер должен идти на конвейер проверять узлы, детали. Вы не можете не знать, как это важно. Но нередко отлыниваете от та-

Письмо из редакции

кой работы: ее не так просто проконтролировать, учесть сделанное может лишь собственная совесть. А молодые смотрят на Вас, прикидывают, пытаются сделать выводы: оказывается, совсем не обязательно работать на эту самую совесть, так-то оно спокойнее, без хлопот. Иногда Вы задаете тон и тихим шепотком. Даст, например, мастер работнице задание немного посложней: пусть думает, учится, повышает квалификацию. Но тут появляется Вы, добренькая, сочувствующая: «Брось, не делай это. Небось, мастер разряда-то тебе не повысил...»

В одном только Вы правы, Антонина Ивановна: у вас на участке хороший коллектив. Я убедилась в этом, когда слушала, как работницы защищали Светлану Федоровну от Ваших наветов, и когда, уже после собрания, получила их письмо, где они с болью пишут о том, что Вы оскорбили не только мастера, а весь коллектив. На что же Вы, собственно, рассчитывали, соглашаясь с предложением обсудить Ваше письмо на собрании? На то, что все промолчат?

Взялась я за перо совсем не для того, чтобы прочесть Вам мораль или — боже, упаси! — «прославить». Я даже не называю Вашей фамилии, завода, на котором Вы работаете, и города, в котором живете. Мне не хочется, чтобы узнали об этом Ваши дети: им будет больно. Я пишу с единственной целью, чтобы Вы наконец задумались обо всем случившемся. На собрании от Вас никто так и не услышал ни слов раскаяния, ни извинений. Вы продолжали наступать: «Все говорят неправду...»

Остановитесь же, Антонина Ивановна! В помощники лжи Вы взяли даже свою седину. Но седина сама по себе — это еще не заслуга перед людьми, жизнью. Она ко многому обязывает. И прежде всего к тому, чтобы носить ее достойно.

Корреспондент
«Работницы»

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Рассказывают, что Елена Дмитриевна Стасова, соратница В. И. Ленина, рассердилась, когда посетитель, написав на листе бумаги несколько слов, скомкал его и бросил в корзину.

— Вы бережете хлеб. А бумагу? Ведь это лес и великий человеческий труд!

Этот эпизод мне вспомнился, когда я была в командировке на Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате, самом большом в стране предприятии по выпуску газетной бумаги...

«Соликамка»,—нежно называют здесь бумагу и ревниво сравнивают ее с «финкой»—финской бумагой, мировым стандартом.

...Комбинат стоит на берегу Камы. Берега на сотни километров покрыты вековым еловым лесом. Чопорно-строгие ели, с опущенными долу ресницами, непокорные и суровые, долго и молчаливо сопротивляются, прежде чем станут горами тонких белоснежных листов.

— Вы на «десятой» были уже?.. А «десятую» вы видели?.. Ну, как понравилась вам «десятая»?.. «Десятая» нынче что-то хандрит...—О «десятой» говорят на комбинате все.

Что же это за таинственная «десятая», предмет ахов и охов всех экскурсантов и новичков, гордость комбината?

Я попала в цех, когда «десятая» хандрила. Бушевала бумажная вьюга, длинные узкие бумажные ленты выплескивались из машин, взлетая под самый потолок. Порвалась бесконечная бумажная простыня, и рабочие, в грохоте перекликаясь лишь свистками, быстро исправляли неполадки.

Так вот она какая, десятая на комбинате бумагоделательная машина. Она похожа на громадный корабль с прямоугольными иллюминаторами и капитанским мостиком наверху. Ее не окинешь взглядом: длина—сто двадцать три метра, а высота в некоторых точках достигает восьми. Когда стоишь в одном конце цеха, второй пропадает в снопах света, падающего с потолка. В одном конце цеха на машину выливается жидкая белая каша, а с другого выходит белоснежная бумажная простыня почти семи метров шириной.

Каша через узкую щель попадает на движущуюся металлическую сетку. Как по горизонтальному эскалатору, ползет по сетке смесь целлюлозы, древесной массы и воды. Равномерное течение сетки создает впечатление, будто машина плывет. Вода протекает сквозь сетку, а загустевшая масса скользит над несущими сетку валами и валиками, которые всасывают, впитывают остаток влаги.

Вот гусеницы эскалатора уползли вниз, под сетку, но не увлекли за собой бумажную массу. Масса мягко перевалилась на другой горизонтальный эскалатор, подходящий вплотную к первому; только на нем уже не металлическая сетка, а белое, тонкое, эластичное сукно. Волоконца массы зацепились за мягкий ворс ткани и ползут в скрытое от глаз грохочущее нутро машины. Белое сукно—это «одежда» машины. Ее приходится менять через 10—15 суток, и для этого надо останавливать машину на целую смену...

А сколько километров газет можно было бы выпустить за то время, пока машина

«чистит перышки»! Лучше всего это известно Ане Грибуниной. Аня—начальник смены в цехе. И она первая мечтает сократить этот процесс «обряжения» машины.

Мне любопытно заглянуть, куда же девалось сукно вместе с мокрой бумажной массой. Аня нажала кнопку—поползла вверх металлическая стена с иллюминатором. Обнажилось машинное отделение гигантского «корабля». С вала на вал, по восьмерке, скользит бумажная простыня. Температура все повышается, бумага постепенно высыхает и с последнего сверкающего цилиндра выходит почти сухой. Да, почти, потому что в одном килограмме готовой газетной бумаги восемьдесят граммов воды.

Оказывается, две трети машины отданы сушке бумажной массы, постепенному (иначе порвется бумажная лента) удалению влаги.

Громадные полуторатонные рулоны разрезают и подают на упаковку. Все автоматизировано. Бесконечные пульта управления, бесчисленные мигающие лампочки, рычаги, рукоятки, кнопки. Мне начинает казаться, что все здесь просто, стоит только запомнить, где какую кнопку нажать. Рабочие шутят: «Когда мы сидим, деньги идут, если бегаем—ничего не заработаем». Так и есть. Работает машина—людям остается «только» следить за ней и нажимать кнопки, а уж если забежали по цеху, значит, захандрила «десятая».

— Да,—вздыхает Аня, сдувая челку со лба,—здесь сплошная автоматизация, а вы посмотрите, какой путь проходит бумага до нее!

Аня худенькая, со стремительными серыми глазами и резкими мальчишескими движениями. Год назад окончила Ленинградский технологический институт и приехала на комбинат. За год привыкла уже к тому, что хозяйничает в самом современном и сложном цехе. И уезжать, конечно, не собирается и уходить от своей машины тем более, и вообще...

— Куда уже теперь уезжать... Ну да, свадьба у меня двадцать второго. Только это журнала не касается. Он здесь на практике был, в древесномассном цеху. Сначала ругались все: его цех нам сырья недодавал. А потом...—Аня улыбается и тут же продолжает:—Звали меня в лабораторию—не хочу. Может, там и интереснее, да здесь—слышите?—машина дышит. И сразу видно, сколько газет из твоей бумаги сделать можно.

Иду через весь комбинат к Каме.

Вон остров посреди реки. Делит реку на два рукава. По одному из них связанные в плоты бревна плывут на лесную биржу. Оттуда по длинным лоткам, наполненным стремительно бегущей водой, бревна-гондолы плывут в древесный цех. Здесь в них с визгом вгрызаются круглые пилы, потом бревна попадают в черную пасть вращающегося барабана, трутся друг о друга, теряют кору, и бегут пахучие янтарные голыши по бесконечным лентам конвейеров...

А около конвейеров стоят женщины с короткими железными крючьями. Резкий взмах рукой—острие крюка вонзается в древесину, и нестандартное бревно сброшено на другой, уходящий из цеха конвейер. Казалось бы, совсем несложный

процесс, а механизировать пока невозможно: какой механизм увидит на бревне сучок, который потом в кислотно-варочном цехе не проварится и может дать брак? Только натренированный человеческий глаз умеет выделить из общего потока ровные, хорошо очищенные бревна длиной в метр двадцать пять сантиметров и отбросить кривые, гнилые, слишком короткие или слишком длинные, неокоркованные и сучковатые.

Это один из самых ответственных участков работы—сортировка «баланса» (так называют здесь бревна). Сортируют его только женщины. Говорят, у мужчин не хватает выдержки и терпения.

Женские руки движутся легко и вроде бы без усилий, но я чувствую напряженность тела, подчиненного ритму конвейеров. Видимо, это и имела в виду Аня Грибунина, говоря со вздохом о том нелегком пути, что проходит бумага до сверкающего зала, заполненного пультами с красными и зелеными лампочками.

Бревна-голыши истираются в тонкую древесную массу в глубоких шахтах-дефибрерах, где их так сжимают цепями, что елки плачут, из них выделяется влага. Круглый керамический камень, вращаясь, измельчает бревна. Начинается долгая и кропотливая очистка древесной массы. Многочисленные машины и механизмы моют ее, пропускают через вибрирующие сита-щеполовки, крутят в бешено вращающихся барабанах с тончайшей сеткой и опять моют, чтобы не осталось ни песчинки, ни щепочки, которую непокорной елке удалось бы донести до главной, бумагоделательной машины: крохотная щепочка порвет необъятную бумажную простыню.

И опять я вижу над бесконечными бассейнами, заполненными беловойтой кашей, женские руки. Из пяти тысяч человек, работающих на комбинате, половина женщин. И на каждой стадии длинного процесса к бумаге заботливо прикоснулись женские руки.

У многих с комбинатом связаны не годы—десятилетия, целые жизни. Начинают они говорить о своем труде, и становится понятным, сколько сердца, тепла, души вложено ими в снежную белизну газетного листа.

Готовая древесная масса—тончайшие короткие волокна—это семьдесят пять процентов газетной бумаги. А двадцать пять—целлюлоза. Ее получают в кислотно-варочном цехе. Разрубленные в щепу бревна попадают в пузатые варочные котлы, занимающие в высоту все четыре этажа цеха. Котлы загружают щепой, заливают особым составом, который здесь называют варочной кислотой, и под давлением варят часов десять, пока не уйдут из древесины все побочные вещества; из них здесь же, на комбинате, делают спирты и дрожжи. Остается чистая клетчатка—целлюлоза. Готовая целлюлозная масса в воде напоминает простоквашу из топленого молока. Отожмешь воду—останется в руках кусочек мокрой ваты. И опять моют, сортируют, трясут, вращают, продавливают через сита шелковистые волокна целлюлозы.

От бесчисленных миллиардов щепочек, колышков, сучков защитила белый лист бумаги сортировщица Клавдия Егоровна Ян-

«Соликамка»

бухтина. Сколько помнит себя Клавдия Егоровна, самым близким было ей это слово — «бумага». В годы войны, когда она прожектористкой-зенитчицей шла по бесконечным дорогам Европы, невероятным счастьем казалось ей вдохнуть теплый аромат родной уральской ели, зачерпнуть в пригоршню ласкающую шелковистую массу, разгладить ладонью хрустящий лист бумаги.

И когда вернулась наконец домой, на Урал, снова пошла на «Соликамку». В самые счастливые дни ее жизни, когда один за другим стали подрастать в доме четыре крупноголовых, крепких сына, улыбалась Клавдия Егоровна тонким волоконцам на ладони. В самые страшные дни, когда умер муж, только подсоленные слезами метры бумажной ленты знали, что у нее на сердце.

Посуровели глаза, сжались губы... Но растут сыновья. Старший теперь уже рядом в цехе работает, а младшие пишут палочки, цифры, формулы на бумаге, созданной здесь, на комбинате.

...Если целлюлозу отбелить, можно получить бумагу белую, как снег, — основу светочувствительной бумаги. В состав ее уже не входит древесная масса. Только добавляют каолин и канифольный клей, чтобы была она гладкой и плотной.

В отбельно-сушильном цехе, где это делают, хозяйничает химия. И еще бригадир Раиса Ивановна Андриюшенкова. Когда-то, в сорок седьмом году, Раиса Ивановна начала славу своего комбината.

— Ну, уж и слава... Просто тогда норма по целлюлозной массе была сорок тонн в сутки, а мы сорок семь дали. Понаехали корреспонденты, фотографировали. Даже в книгу поместили. Была такая книга — «Новаторы производства по Пермской области». Теперь по девяносто тонн даем, и ничего особенного...

Комбинату на Каме двадцать пять лет, а стаж Раисы Ивановны всего на два года короче. После ремесленного работала в центральной лаборатории, потом перешла лаборанткой в цех. Однажды, когда ей впервые пришлось заменить больного бригадира, она испугалась.

— Не знаю ведь, что где стоит, — вспоминает Раиса Ивановна. — Ночью у меня питательную трубу прорвало. Звоню начальнику домой. Спрашивает: «Какой башни?» «Не знаю». «Где стоит?» «Там-то». «Ну, значит, пятой». И засмеялся. А мне тогда, ох, не до смеху было!

Это уже потом, за двадцать лет бригадирства, она все до последнего уголка излазила, потрогала да покрутила.

Очень высокая и от этого чуть сутулая, Раиса Ивановна водит меня от одной бездонной башни к другой, где целлюлоза из желтовато-серой становится ослепительно белой, похожей на шелковую вату. Хлором, каустиком, кислотой и водой, водой, водой моют целлюлозу, очищают от песка, непроваренных частиц; кажется, целой Камы не хватит, чтобы отмыть ее.

Проверяя качество целлюлозной массы, Раиса Ивановна зачерпывает из бассейна ковшиком немного кашицы. Выливает на небольшое темно-синее стекло в деревянной рамке. Волоконце от волокна разбегаются по стеклу, комочков нет, щепочек нет. Значит, все в порядке.

— Нашу целлюлозу очень многие страны покупают. Вот сейчас партию для Англии

В кислотоварочном цехе двое Янбухтиных. Павел Янбухтин ремонтирует оборудование, на котором работает его мать Клавдия Егоровна.

Фото
Н. МАТОРИНА.



«Десятая» работает хорошо!» — докладывает оператор Ирина Оленбергер начальнику смены инженеру Ане Грибуниной.

готовим. Но главная продукция нашего комбината — газетная бумага. Вы «десятую» видели? Там начальником смены совсем девочка работает — Аня Грибунина. Вот какую машину ей доверили!

И мне подумалось: понимает ли Аня Грибунина, что ее место на капитанском мостике не только ее победа? Что не только ее трудолюбие, упорство и воля сделали ее тем, кто она есть. Нелегкий труд женщин на сортировке баланса, дороги войны, которыми шла Клавдия Егоровна Янбухтина, руки Раисы Ивановны Андриюшенковой, которые начали славу комбината, — все это незаметно влилось в Анину жизнь. Ей передана эстафета.

Километр за километром бегут бумажные дороги. На их белоснежной поверхности — ненаписанные судьбы сотен людей, чьи руки создавали эту белизну. И не очень новая истина о великой связи и общности людей через их труд по-новому остро поражает меня.

Однажды утром газетный лист, вышедший из-под пальцев соликамских женщин, заставил ахнуть мир. На фотографии в газете — резкая длинная тень от самого обыкновенного камня... на Луне. А та невероятная, фантастическая машина, позволяющая сделать эту фотографию, сначала родилась в чертежах на бумаге, которая помнила прикосновение тех же женских ладоней. Сколько рук встретилось на гладкой поверхности листа, чтобы фантазия стала реальностью!

И, сняв газетный лист, пахнущий типографской краской, с ротационной машины, рассматривая четкие контуры немыслимо далекого лунного камня, кто-нибудь из типографских рабочих воскликнет:

— А на «соликамке» фотография контрастнее и сочнее, чем на «финке»!

И невольно думаешь, что «соликамка» оттого так упруга, эластична и белоснежна, что впитала в себя чистоту и скромное мужество соликамков — простых женщин из уральского городка.

Мне понятна непримиримость Елены Дмитриевны Стасовой к бездумному движению пальцев человека, скомкавшего белый листок. Труд, энергия, жизнь знакомых мне теперь людей вложены в него.

Л. ЛЕГОНЬКОВА



Закончив в 1941 году филологический факультет Ленинградского университета, Наталья Иосифовна Грудина ушла добровольцем на фронт. Ее стихи и очерки о боевых действиях кораблей на Балтике печатались в многотиражной газете «Боевой курс».

Первая книжка — поэма «Слово о комсоре» — вышла в 1948 году. Вторая увидела свет в 1961 году и третья — в 1964 году.

Рассказ «Черная собака Динка или повесть о первой профессии», который мы печатаем на этих страницах, — первое прозаическое произведение поэтессы.



ЧЕРНАЯ СОБАКА ДИНКА или повесть О ПЕРВОЙ ПРОФЕССИИ

Если вам уже есть шестнадцать, а вы еще до сих пор не придумали, кем быть, то сядьте и послушайте меня. Я не собираюсь читать вам лекцию. Просто мне отлично известно, о чем думаете вы, уже получившие паспорта, но еще не ставшие взрослыми. Вы прочли уйму книг. Вы вычитали в них, например, как хорошо быть геологом. И изобретателем. И артистом. Но вас еще не ела мошка в тайге. И еще не освистала публика за неудачный дебют в самодеятельном спектакле. Словом, вы еще ни одной даже маленькой шишки себе не набили на пути к избранной вами цели. Талантливая книга может заманчиво рассказать о профессии, нарисовать любой путь. Но пойдете ли вы по этому пути — это еще неизвестно. Надо хоть немного по нему прошагать, своими руками хоть что-нибудь сделать, а тогда и решать, точно ли это ваш путь.

Я расскажу вам о шестнадцатилетнем парне, которого хорошо знаю. Его зовут Миша. Он два года сидел в шестом классе, потом еще два года — в седьмом. И все потому, что не понимал, зачем ему учиться. Ни один предмет его не захватил. И он не мог еще себе сказать: буду, к примеру, астрономом, а поэтому буду уже сейчас много заниматься математикой.

Что он любил в жизни? Немножко — хоккей. Чуть побольше — выжигать рисунки по дереву. Но долго заниматься ни тем, ни другим почему-то не мог.

Впрочем, появилась-таки у Миши одна привязанность. Шесть месяцев он выращивал щенка — черную овчарку по кличке Динка. Динку подарила ему в день рождения тетя Шура. Миша полюбил Динку. Но от этой любви ему легче не стало.

— Тебе бы только собак гонять, — недовольно выговаривал отец. Ему вторила мать.

Серьезное ли дело — собаки? По мнению многих — нет. Но вот странно: хоккей надоедал, а Динка нисколько. Хоть приходилось для нее самому и суп варить и молот на кофейной мельнице яичную скорлупу для укрепления щенячьего костяка. И все это обязательно и ежедневно.

Летом случилась беда: Динка заболела чумой. Она лежала на сундуке, тихая и горячая, положив морду на большие пушистые лапы. Наведалась тетя Шура и сказала:

— Чума — болезнь тяжелая. Не легкомысличай. Сейчас же отдай в ветеринарную больницу. Многие псы после чумы калеками остаются. То нога перестает работать, то вдруг весь дергаться начнет...

И Миша отдал Динку в больницу.

Кстати, вы слышали когда-нибудь о такой больнице? Она на окраине города. Вокруг —

сад, большие тенистые деревья, много травы. Лечат там и коров, и лошадей, и прочую живность. А есть специальное отделение для чумных собак. Они сидят там каждая в своей клетке. Им вводят витамины. Высыпают за щеку порошки, а потом, высоко подняв собачьи головы, приказывают: «Глотай». Греют больных под соллюксом. Приходить к ним хозяевам надо каждый день, а если по два раза в день, то и совсем хорошо. Во-первых, потому, что ни ветеринар, ни зоотехник, ни санитарка делать собакам процедур без хозяев не станут. Чужого собака и укусить может. Ну, а во-вторых и в главных, животное скорее поправляется, когда часто видит хозяина и знает: его не бросили! Это замечено, проверено и доказано.

В больнице работает доктор Южин. Ему семьдесят лет. Давным-давно пора на пенсию. Но пенсия — вообще дело скучное, а для него в особенности.

Был когда-то доктор Южин ветеринаром Первой конной армии. Сам товарищ Буденный за научный подход к лошадям так ему руку жал, что пальцы немели. Под белым халатом доктора — выцветшая гимнастерка. Он неразговорчив, и любимое его слово — «бывает». Да, всякое бывает. Вот он состарился, пришлось заняться работой полегче... Люди приводят теперь к доктору своих породистых собак. И люди эти бывают разные.

Приходит, к примеру, любитель-охотник и приводит курносую лайку. Он говорит: — Если быстро бегать не будет, усыпляют.

И правильно говорит. Охотнику собака нужна для дела, а не для сентиментальности.

А недавно пришел профессор-физик и привел молодого дога голубой, редкой масти. Профессор сказал:

— Очень прошу вылечить. Мне эта собака очень дорога. Она на редкость ласковая.

Правильно. Собаку надо вылечить. Ласка и доброта помогают людям работать, думать. А думы профессора нужны стране.

Часто приходят старушки и приносят на руках маленьких псов: шпицев, такс, бульдожек... Старушки эти почти всегда одиночки, и сил у них хватает, только чтоб о собаках заботиться. И нет в этом ничего зазорного или смешного. И питомцев их надо лечить так же обязательно, как уважать старость.

Словом, смотрит доктор зоркими глазами сначала на человека, а потом на собаку. И действует, как подсказывают разум и сердце.

Собачья больница опрятна и чиста. Доктор — человек хлопотливый. По вечерам он задерживается тут на два-три лишних часа.

Берет кисть и подновляет скамейки и стены масляной краской. Любит, чтобы все было свежо и ярко.

Когда Миша привел свою Динку, доктор спросил:

— Учишься хорошо?

— Плохо.

— А собаку любишь?

— Да.

— А для чего тебе собака?

— Так... Для меня...

— Ладно, — сказал доктор. — Твое место — палата третья, клетка восьмая. Принеси войлок на подстилку и шерстяной платок — грудь Динки обвязать. У нее легочная форма чумы. Ей тепло требуется.

Миша проводил в больнице по три-четыре часа. Носил Динке фарш и чай в термосе. Но легче Динке не становилось. Однажды доктор поставил ее на стол, долго выслушивал, взял кровь на анализ. Потом сказал:

— Будем лечить сном, как человека. Во сне дело быстрее на поправку пойдет.

И потянулись тревожные дни. Собака глотала снотворное и спала. Днем придешь — спит Динка. Вечером придешь — спит... А пока она спит, Миша слоняется по больнице, а не то стоит около доктора, осматривающего новых больных. Стоит и переживает за каждого пациента: будут усыплять или лечить?

Однажды утром молодые супруги привезли бородатого маленького жесткошерстного фокстерьера по кличке Дарлинг. Он был парализован — совсем не мог подняться на лапы. Супруги очень огорчились, и вечером снова приехали к нему, и назавтра тоже приехали утром, а вечером не приехали.

Доктор постоял у Дарлинговой клетки, поглядел в окно, в длинную перспективу вечерней улицы, и сказал:

— Бывает...

Потом подозвал Мишу.

— Погрей-ка Дарлинга под соллюксом. Динка твоя все равно спит.

Миша погрел собаку под круглым стеклянным солнцем, влил Дарлингу в пасть бульона, припасенного для Динки. И потом делал то же самое изо дня в день, потому что хозяева собаки так больше и не приезжали.

Пока черная Динка спала, повязанная крест-накрест теплым платком, Миша грел и кормил Дарлинга; тот подымал голову ему навстречу, словно спрашивал:

— Теперь ты мой хозяин, да?

На одиннадцатый день болезни Дарлинг пережил кризис.

— Теперь помочь ему надо с параличом справиться, — сказал доктор и научил Мишу, как массировать Дарлинга и как делать ему лечебную гимнастику.

Часами растирал Миша плоские, слежавшиеся мускулы собаки, терпеливо вытягивал ей лапы — то одну, то другую. И с удовлетворением чувствовал, как округляются и твердеют мышцы, разбуженные руками человека.

И вот доктор Южин позвонил по телефону молодым супругам:

— Можете забирать вашего Дарлинга. Да, выздоровел. Тут ему один парень здорово помог. Поблагодарить? Ну, это уж вы сами сделаете.

Молодые супруги приехали взволнованные и очень смущенные. Привезли Мише большую коробку конфет и долго-долго тараторили: мы, мол, не могли приехать, у нас, мол, отпуск кончился, мы, мол, так много работаем...

— Бывает, — сказал доктор Южин и написал Дарлинга домой.

Он хорошо знал, что у таких хозяев здоровая собака как сыр в масле катается, а вот больная-то она вроде бы сразу перестает быть нужной. Есть люди, которые идут навстречу только радостям, а от печалей бегут в кусты...

После Дарлинга Миша выходил и огромного сенбернара Матроса и полосатую боксершу Петти, к которой ходила восьмилетняя девочка и, ясно же, ничего не могла делать как надо.

— Мишка, подсоби! — кричал ему техник, которому не справиться было даже при хозяине с каким-нибудь зубастым лохмачом,

не желающим терпеть уколов. Собаки не кусали Мишу, и доктор говорил:

— Бывает. Руки у тебя спокойные. Больному спокойствие полезно.

А черная собака Динка спала уже десять дней, и Миша ловил себя на том, что даже иногда забывал о ней, захваченный водоворотом необыкновенной своей работы.

Но вот явился однажды в больницу Мишин отец.

— Что это ты, доктор, сына моего на аркане держишь? — хмуро сказал он. — Не можешь собаку вылечить, так усыпи. И освободи мне парня! Ему на лето в школе работа дадена, а он по сей день за нее не принялся.

На следующий день Миша не пришел в больницу.

— Бывает, — меланхолично произнес доктор. — Не пустили, значит...

Он снова долго глядел в окно, в длинную перспективу вечерней улицы, словно бы кого-то ожидая, без кого уже как-то и не обойтись... А потом принес кисть и густо выкрасил старую стремянку в веселый ярко-алый цвет. И пока красил, все думал, думал о чем-то своем — немолодом и мудром.

В полдень следующего дня Миша все-таки пришел к своей Динке, но клетка ее была пуста. Бурей пролетел он по отделению, по коридору — двери визжали, лязгали на его пути. Он задел плечом свежескрашенную стремянку, и она грохнулась на пол,

оставив на Мишиной куртке длинный алый след, словно свежую рану.

— Где Динка? — задыхаясь, крикнул он доктору Южину. — Усыпили?

— Ты обожди, парень, — отозвался доктор, не подымая глаз от карточек историй болезни. А потом, не торопясь, взял телефонную трубку и что-то кому-то сказал...

Миша не слушал. Он сидел, уставясь в стеклянный шкафчик с хирургическими инструментами. В зеркале стекол и в блестящем металле ножей и пинцетов отражалось его лицо, такое бледное, что веснушки на нем резко выделялись, словно крошки черного хлеба на скатерти.

«Усыпили Динку, — колотилось в мозгу. — Усыпили, а может, она бы выжила?..»

Сколько времени он сидел так — неизвестно. Время для него перестало существовать. И время, и больница, и большие тенистые деревья в саду.

Он не услышал, как открылась дверь кабинета, и вздрогнул, когда доктор тронул его за плечо.

— На вот тебе Динку. Не горюй!..

Прямо перед Мишей выросла фигура знакомой санитарки. На поводке у нее была собака. Только совсем не Динка. И совсем даже непохожая. Помесь лайки с овчаркой. Глаза сияющие, янтарные, а хвост, как у черно-бурой лисы. Великолепное, редкой красоты животное глядело на Мишу с любопытством и доброжелательством.

— Это... кто? — выдохнул Миша.

— Это тебе, — ответил доктор. — Ее привели сюда усыпить. Хозяин уехал из Ленинграда. Чумой она у тебя не заболеет. Раньше переболела. А твою усыпить пришлось. Не жалица она была на белом свете. Я это давно видел. Зови эту Динкой, если хочешь. Я сам не знаю, как ее прежде звали.

Доктор передал Мише поводок и вышел из кабинета.

— Такую душу, парень, как у нашего доктора, еще поискать надо, — заговорила санитарка. — Он же специально твою Динку на снотворном держал, жизнь ей тянул, чтобы ты надежды не терял, пока он тебе другую собаку подберет. Понял? А этой собаке цены нет. Такую хоть сейчас на выставку — медаль обеспечена. Ну, да ты и заслужил! Сколько собак выходил, молодчина ты!

Все еще молча Миша потянул за поводок. Чудо с янтарными глазами приблизилось и положило ему на колени свою длинную аристократическую морду.

...Вы спросите: для чего я все это рассказала? А вот для чего: Миша ходит теперь в чумную больницу каждый день. Работает санитаром, а учится в вечерней школе. Учится прилично, потому что знает теперь, для чего. Он выхаживает собак. Он греет и массирует их, и убирает клетки, и разносит пищу. И каждый день переживает кризис чьей-нибудь болезни. И не одно животное встало на ноги с Мишиной помощью, не один благодарный человеческий взгляд остановился на нем...

Да, теперь Миша уже всю жизнь будет лечить животных. Санитар чумной больницы — это его первая профессия. Может быть, он станет со временем ветеринарным врачом? Не знаю. Да это и не столь важно. Врачом ли, техником ли, санитаром ли, главное — не по чужой, а по своей дороге шагать и знать: свое дело делаешь!..

Выходит, что нужно и вам не глазами шарить по белу свету в поисках будущей профессии, а в себя заглянуть, себя спросить: что я люблю, что не устаю делать? И если кто-то вам скажет: «Это несерьезно», — не верьте, а проверьте, чтобы убедиться, что для вас серьезно, а что случайно.

Рисунок И. УШАКОВА.



Подвиг матери

Навстречу зрителю по наклонному экрану бегут тревожные облака. Торжественно, негромко звучит музыка. В полумраке сцены угадывается пустынное одиночество осенней степи...

Но вот луч прожектора выхватывает из темноты медленно идущую худенькую фигуру женщины в стеганом бешмете. Платон прикрывает ее седые косы. Рука опирается на посох. Она останавливается и напряженно всматривается во тьму.

— Здравствуй, поле, — тихо и просто говорит она.

— Здравствуй, Толгонай, — отвечает ей Мать-Земля.

И мы видим образ родной земли, созданный народным эпосом: высокую, величавую женщину в национальном казахском наряде.

Так начинается спектакль Казахского Государственного академического ордена Трудового Красного Знамени театра драмы имени М. Ауэзова «Материнское поле», созданный по одноименной повести известного киргизского писателя Чингиза Айтматова.

В традиционный день поминовения старая Толгонай вспоминает всю свою жизнь.

Год за годом оживают в памяти женщины. И перед глазами зрителей проходят счастливые и трагические события...

Удачное оформление спектакля, частые повороты движущегося круга сцены, выразительность скупых условных декораций помогают зрителю следить за воспоминаниями героини.

Мы видим Толгонай счастливой с любимым мужем Суванкулом. Видим, как гордится она тремя сыновьями, поднявшимися, словно тополя-погодки. Мы видим, как впервые пробует она хлеб с «запахом комбайнерских рук» сына.

«Все, что видели глаза мои, все, что слышала и ощущала, — говорит Толгонай, — все, казалось мне, создано для меня, для моего счастья».

Черной бурей врывается в счастливую жизнь война. Всех трех сыновей и мужа проводила Толгонай на фронт, и ни один из них не вернулся.

С особенной силой проявилось дарование актрисы Фариды Шариповой, исполняющей роль Толгонай, именно в этих связанных с войной сценах спектакля.

Молодая артистка, недавно окончившая театральную школу, поражает искренностью исполнения роли. Ни эффектных жестов, ни бурного темперамента — ничего этого не найдет зритель в ее игре.

Сдержанность, даже стыдливость в проявлении чувств отличают Толгонай — Шарипову. Не страданиями своими потрясает зрителей ее Толгонай, а щедростью, широтой души. В каждой сцене чувствуешь готовность Толгонай — Шариповой забыть себя ради других.

Прощаясь с мужем, уходящим на фронт, она подавляет рыдания. Ее горе не должно причинить боль близкому человеку.



Ф. Шарипова в роли Толгонай.

Фото В. СИДОРИНА.

А вот еще эпизод. В аил с фронта приходит весть о гибели мужа и сына. Истошные вопли женщин, слезы, страшный крик Алимана — невестки Толгонай. И среди стонущей толпы — прямая, молчаливая фигура матери. Только на глазах у зрителей стынет, стареет ее лицо да нестерпимо тяжелые, будто омертвевшие, падают руки. Но и это длится всего секунду. Отчаяние Алимана, острая жалость к ней возвращают мать к жизни.

Пожалуй, самый сильный момент спектакля — погоня Толгонай за вором, укравшим колхозное зерно. В трудное военное время по крохам собрала Толгонай это зерно, чтобы засеять им еще одно поле. И вот мешок с драгоценным зерном украден негодяем! Бешено нахлестывая коня, мчится Толгонай в темноту ночи. Эффектная игра света, выразительная музыка подчеркивают драматическую напряженность сцены. А страсть и одержимость Толгонай так заразительны, что каждый сидящий в зрительном зале словно бы участвует в этой погоне.

Но есть в спектакле сцена, где антриса как будто изменяет себе, позволяя вырваться наружу невысказанному горю, которое Толгонай молча носила столько лет. Это сцена смерти Алимана от родов. Всех близких отняла война у Толгонай, Алимана — последняя. Как снести матери этот удар? Но Толгонай даже в отчаянии черпает силы. Кажется, этой силой отчаяния и любви рожден ее внук Жанболот.

В конце спектакля мы видим Толгонай уже старой женщиной. Гроном аплодисментов встречают зрители ее, идущую рядом с внуком по родному полю. Вспыхивают золотые колосья, победно звучит музыка. Эта сцена — апофеоз жизни, неувядающей и вечной.

— Только человек всесилен на земле, — говорит Земля Толгонай. — Ты выше всех, ты мудрее всех, ты человек, ты мать.

...Спектакль окончен. Но люди долго не расходятся. На глазах у многих слезы. В Кремлевском театре в Москве спектакль шел на казахском языке, однако его поняли все. Его восприняли как песню о всемогущей матери, как гимн величии человека. Зрители аплодируют постановщику А. Мамбетову, художнику А. Ненашеву, композитору Г. Жубановой и всему коллективу театра, создавшему спектакль, в котором прозвучала высокая гражданственность и истинная народность.

М. НАЗАРОВА

ХОТЬ И МАЛ ЗЛОТНИК...

Это было в предсъездовские дни. В гости к рабочим завода «Красный экскаватор», одного из крупнейших в Киеве, пришел делегат XXIII съезда первый секретарь Октябрьского райкома КПУ Е. Ф. Харчук. Он рассказывал о задачах, которые предстоит решить съезду, о перспективах, которые открывает перед народом план новой пятилетки. Когда беседа подошла к концу, посыпались вопросы. Был среди них вопрос, часто возникающий в коллективах, где работает много женщин:

— Когда наконец у нас в Киеве можно будет сразу, без всякой очереди, определить малыша в ясли или детский сад?

— Думаю, что никак не позднее чем через два года, — ответил Евгений Федорович Харчук. — За семилетку в нашем районе вступили в строй 70 детских комбинатов, из них 10 — в прошлом году. А в нынешнем появится 18 новых яслей и детских садов. Заводы имени Горького, имени Лепсе, «Большевик», «Точэлектроприбор» взяли вести стройки для малышей своими силами.

Как видите, в Октябрьском районе Киева неплохо заботятся о детях, а значит, и об их матерях. А в других? Об этом мы спросили заместителя заведующего Киевским городским отделом народного образования А. К. Марушевскую.

— В других районах не хуже. В Советском и Ленинском, например, проблемы устройства ребенка в детсад практически уже не существует. Всего у нас в городе около 500 детских садов, в том числе более 150 комбинатов «ясли-сад». Можно назвать десятки учреждений и предприятий, которые, успешно строя детские комбинаты, тем самым развязывают руки матерям, дают им возможность активнее включаться в работу и общественную жизнь, отдыхать и учиться... Дарницкий комбинат искусственного волокна, например, построил 12 детских садов, удобных, светлых, уютных, где хорошо живется детворе. Полностью устроены и ребяташки работниц кондитерской фабрики имени Карла Маркса.

И все же тысячи маленьких киевлян остаются пока вне садов и яслей. Почему? Да потому, что названные нами заводы и фабрики, где детских учреждений достаточно, — это крупные предприятия. Они располагают средствами, необходимыми для самостоятельного строительства. А как помочь

тем женщинам, что трудятся на небольших предприятиях, в организациях и учреждениях, не имеющих возможности своими силами построить даже одного садика? Этот вопрос и поныне стоит перед партийными, советскими, общественными организациями города. Но сейчас он уже близок к практическому разрешению.

Сама мысль была проста: если маленькие, экономически маломощные организации одни не могут справиться со строительством детских дошкольных учреждений, почему бы им не объединиться? Такое постановление и приняли год назад бюро Киевского горкома КП Украины и горисполком. Решение горячо поддержали: сто четыре предприятия выразили готовность активно участвовать в новом начинании.

Сейчас, когда первые сомнения и трудности уже позади, понимаешь, насколько практичным и жизненным оказалось это дело. Поистине мал золотник, да дорог. Вот, например, фабрика театральных реквизитов Министерства культуры УССР. Коллектив ее невелик, средства тоже — только 500 рублей смогла вложить фабрика в общую копилку. Хлебокомбинат № 10 отчислил 900 рублей, 2 100 рублей — Дом моделей трикотажных изделий, 2 тысячи — макаронная фабрика, 1 тысячу — завод медицинской аппаратуры. Чем крупнее предприятие, тем больше вклад. Завод «Сельхозмаш» может дать уже 13 тысяч, пуговичная фабрика — 10 тысяч, швейная фабрика «Спортодежда» — 29 тысяч рублей... Участвуют в коллективном строительстве и крупные предприятия города, в том числе уже названная нами кондитерская фабрика имени Карла Маркса. Она внесла довольно солидный пай в общую копилку.

Более полутора миллионов рублей на строительство яслей и садов — таков итог «сладчины» ста четырех предприятий Киева.

В разных концах города растут сейчас стройки: «девять детских комбинатов (на 1 350 мест) будут построены в этом году, семь (на 1 120 мест) — в следующем. Сто сорок ребяташек, матери которых работают в Шевченковском районе, на этих днях отпраздновали веселое новоселье.

Коллективный
корреспондент «Работницы»
редакция журнала
украинских женщин
«Радянська жінка»

г. Киев.

В. МЕШАЛКИН

Заяц и Пчела

Возвращался как-то Заячишка под вечер домой. Слышит, кто-то о помощи просит. Удивился Заячишка. «Смеется, что ли, кто надо мною, — подумал он. — Все ведь меня трусом считают. Да и чем я могу кому-нибудь помочь?!»

И, махнув лапкой, поспешил дальше.

А голосок жалобный, тоненький, несся вслед: — Заяц, миленький, помоги, спаси меня!

Остановился Заячишка, посмотрел, посмотрел вокруг и вдруг увидел Пчелу, которая попала в сети к Пауку. Бьется там изо всех сил, но крепкая паутина ее не пускает. А Паук уже близко. Вот-вот Пчелу погубит...

Жалко стало Заячишке Пчелу. Придавил он Паука лапкой и Пчелу от цепких сетей освободил.

Встала на ножки Пчела, поправила свои помятые крылышки и сказала Заячишке:

— Век тебя не забуду.

С тех пор они подружились.

Рассказал как-то Заячишка о Пчеле всем лесным зайцам, а те только рассмеялись:

— Нашел с кем дружить! Да и чем она тебе помочь-то может? Чудак! Вот если б ты с Волком дружбу завел, тогда и похвастался бы.

Но Заячишка все равно гордился своей дружбой.

Однажды ел он на полянке заячью капусту и не заметил, как к нему подкрался Волк.

— Что, попался, косой? Будешь моим малышом хорошей добавкой к обеду.

Испугался Заячишка. Дрожит осиновым листочком. Знает, что не отпустит его Волк, поэтому и пощады не просит. Кричи не кричи — никто не поможет. Волк ведь

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА.

хозяин в этом лесу. Боятся его зайцы.

Вдруг откуда ни возьмись Пчела. Налетела на Волка и давай над самым носом его кружить. Покружилась, покружилась



и на нос села. Хотел Серый ее согнать, да попал не по ней, а по собственному носу. И так когтем себе нос оцарапал, что взревел на весь лес и выпустил Заячишку.

— С виду маленькая, а с Волком, смотри-ка, справилась, — удивились зайцы...

— Пчела, может, и маленькая, зато дружба большая, — сказала старая Ворона, которая все видела.

Сорока и Кукушка

Сорока сидела в своем гнезде, а Солнышко в это время уже спать собралось. И тут слышит она, как кто-то поблизости плачет и причитает. Поднялась Сорока со своего гнезда и увидела на соседнем дереве одинокую птицу. Подсела к ней.

— Ой, милая подружка, — зарыдала одинокая птица, — стара я стала, никому не нужна... Дети, и те бросили. Жить негде. Кормиться нечем.

Жалко стало Сороке старую птицу. Приласкала она ее, пообещала: — Мы тебя не бросим. В обиду не дадим. Птиц в нашем лесу много. Поможем. Ты, подружка, в гнезде пока у меня отдохни, а я тем временем с друзьями посоветуюсь.

Улетела Сорока. Стрекочет над лесом, всех птиц на ноги подняла, даже тех, которые спали, разбудила. И вот наконец слетелись к ней все лесные птицы. Тут и Дятел, и Ворона, и Сова, ну кого только нет! Воробей, и тот из села прилетел, беду почуяв.

Кричит Сорока:

— В нашем лесу одинокая старая птица без крова и хлеба осталась. Дети родные отказались кормить мать. Надо ей помочь.

Птицы слушают, возмущаются. Даже про сон забыли. Разлетелись они все по домам, а через несколько минут, глядь, кто червяка несет, кто букашку, кто ветку или пушинку для домика. Ворона даже кусочек сыра не пожалела. Столько натащили, что на всю зиму должно хватить.

Последним Филин прилетел, мышку одинокой

птице принес. В отличие от других он в темноте хорошо видел. Взглянул Филин на незнакомую птицу да как закричит:

— Да это ж Кукушка! Вмиг расхватили птицы свои подарки, ни крошки не оставили.

— Глупая ты, глупая, — ругал Ворон Сороку. — Прежде чем тревогу поднимать, подумала бы.

Потом к Кукушке обратился:

— Никто тебе не поможет. Никто тебя не пожалует. А все потому, что сама ты никому никогда не помогала. Детей своих по чужим гнездам раскидала...

Но Кукушка не прислушалась к словам Ворона. И до сих пор продолжает жить по-прежнему.



Г. ЦЫФЕРОВ

Спор

Ослик и Медвежонок вечно спорили. Это потому, что один говорил: «Все приходит». А другой: «Все уходит».

Просыпался утром Медведь и радовался: «Смотри, утро пришло!»

«Ну да, — плакал Ослик. — Ведь ушла ночь».

И днем было так же. Когда Медведь кричал: «День явился!» — Ослик плакал: «Ну да, ведь ушло утро».

А однажды было вот что. К ним в гости пришел Слон.

— Смотри, смотри! — заорал Мишка. — К нам пришел Слон.

— Ну да, — заплакал Ослик, — ведь он ушел из дому.



РУКУ, АМЕРИКАНКИ!

Татьяна ТЭСС

Некоторое время назад по приглашению Комитета советских женщин в нашей стране побывала группа американок, участниц движения «Женщины, боритесь за мир!». Последовало ответное приглашение, и шесть советских женщин вылетели в Америку. В их числе была и я. Я побывала в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Вашингтоне, Хартфорде и в очень многих маленьких городах Соединенных Штатов. Жили мы не в гостиницах: каждую из нас приглашала на это время в свой дом какая-нибудь американская семья. Это дало мне возможность увидеть вблизи обычную жизнь простых американских людей и многое понять в ней.

Результатом поездки явилась книга «Американки». Главу из этой книги я и предлагаю вам прочесть.

Едва мы вышли из самолета в Вашингтоне, как нас словно обволокло плотное, душное облако. Воздух был влажным и теплым, как в оранжерее.

В городе стояла жара. Лучи солнца вонзались в землю, точно раскаленные золотые копья, и земля отвечала им сырым, тяжким дыханием. Улицы были так тенисты, что дома скрывались среди деревьев, словно в парке. От влажного зноя платье сразу прилипло к коже, темные очки, которые я надела, запотели, будто я вошла в баню.

Конечно, и здесь сразу захотелось пойти пешком по улицам, увидеть вблизи людей, парки, здания... Но моей судьбой теперь распоряжалась Нора.

Мы заметили Нору, как только вступили в здание вашингтонского аэропорта. Здесь толпилось много народу, но Нору было невозможно не заметить.

Посреди холла стояла красивая высокая брюнетка с блестящими черными волосами. На ней было свободное, в яркую продольную полосу бумажное платье без рукавов, похожее на рубашку. Она была в римских сандалиях, без чулок; ногти на босых ногах покрывал пурпурный лак. На веках ее темнели густые тени, с нажимом проведенные зеленым карандашом; от этих зеленых теней ее глаза, и без того большие и выразительные, казались еще больше. Она тряхнула мою руку своей крепкой, бронзовой рукой и сказала решительно:

— Как поживаете? Меня зовут Нора. Вы поедете со мной.

И не успела я опомниться, как уже сидела рядом с ней в раскаленной от солнца машине.

— Сигарету? — спросила Нора, энергично закрывая окна машины.

— Спасибо, я не курю.

— Очень хорошо. Тогда возьмите конфетку освежить рот.— Она протянула мне столбик имбирных леденцов.

Окна машины закрылись наглухо, и было много оснований предполагать, что через полчаса из этого раскаленного автомобиля вынесут два наших бездыханных трупа.

— Очень хорошо! — повторила Нора жизнерадостно, тряхнув головой, и машина помчалась.

Стало прохладней, и я поняла, что угроза неприглядной кончины миновала: в машине был аппарат для кондиционирования воздуха. Откинувшись на спинку сиденья, Нора вертела одной

рукой руль, курила сигареты, грызла в промежутках имбирные леденцы и разговаривала без умолку.

Тенистые улицы стремительно мелькали за плотно закрытыми окнами.

Мы промчались мимо вздымающегося ввысь гигантскогоobelиска Вашингтона. Возлеobelиска под раскаленными лучами солнца стояла цепочкой очередь изнывающих от жары туристов: они терпеливо ожидали, когда находящийся внутриobelиска лифт поднимет их на самую вершину. Потом я увидела знакомое по книгам и фотографиям торжественное здание, где в глубине повитой синими тенями лоджии сидел погруженный в свои думы Авраам Линкольн... Где-то за кущей деревьев промелькнула крыша Капитолия. Мы пронеслись мимо Белого дома, казавшегося еще более белым в лучах солнца, но не успела я охнуть, как исчез позади и Белый дом...

Наконец машина замедлила ход.

— Приехали! — сказала Нора.

Машина остановилась возле какого-то дома. Нора позвонила у входной двери. Дверь открылась, мы вошли.

Длинный крепкий стол посреди столовой всем своим видом говорил, что за него садится большая семья. В комнате позади столовой было много книг, на окне лежал незаконченный рисунок, рядом стояла ваза, в которой был только один цветок, но вазу поставили так, что падающий свет делал цветок прекрасным.

Есть комнаты, в стенах которых живет тепло, и есть дома, где живет скука. В этом доме жили доброта, труд и мысль.

Человек, который вышел нам навстречу, оказался совсем не таким, каким я его представляла.

Я ожидала, что увижу воительницу и трибуна. Мне улыбнулась хрупкая женщина с большими темными глазами. И только в глубине этих глаз, наблюдательных, твердых и спокойных, можно было угадать скрытую внутреннюю силу.

Это была Дагмар Уилсон.

Прежде чем рассказать о ней, надо вернуться к осени 1961 года.

Дагмар Уилсон не политический деятель. Она обыкновенная американская женщина, мать троих детей. Она не занималась и не занимается проблемами отношений между различными странами, не занималась и не занимается внешней политикой.

Но она знает, какова должна быть цель такой политики. Эта цель — сохранение жизни на земле.

Ряд событий, подчас драматических и грозных, что происходили в тот год в мире, гонка вооружений в ее собственной стране могли только усилить тревогу Дагмар. Маленькая, хрупкая женщина — что могла она сделать, чтобы остановить события, которые грозят трагическим концом? Что можно сделать, чтобы предотвратить войну?

Этого не решишь в одиночку. Дагмар пригласила к себе нескольких знакомых женщин посоветоваться, подумать вместе.

Вряд ли представляла она тогда, к чему приведет эта встреча обыкновенных американских женщин в ее квартире.

Руки женщины, руки матери — легкие, быстрые руки, которые умеют готовить пудинг, стирать белье, причисывать и одевать ребенка, нянчить малыша... Соединившись вместе, они образовали цепь, которая опоясала многие штаты Америки, цепь, которую, как оказалось, нельзя было разорвать обычными, безотказными, много раз проверенными средствами.

О чем говорили женщины в тот вечер в доме Дагмар? Вероятно, все о том же: о счастье и о мире, о будущем их детей... Но за мир надо бороться, это они видели и понимали.

Так родилось движение «Женщины, боритесь за мир!». Так женщины Америки начали благородную, бесстрашную борьбу во имя мира. Борьбу, которая продолжается и сейчас.

Книга Татьяны Тэсс «Американки» выходит в издательстве «Детская литература».

Я видела небольшую книжечку-листовку, в которой кратко объясняются цели и действия движения «Женщины, боритесь за мир!». Выглядит она примерно так: в центре выделено слово «боритесь», от которого в разные стороны отходит шесть стрелочек, как бы разъясняющих шесть направлений борьбы:

Идите,
Говорите,
Действуйте,
Голосуйте,
Работайте,
Пишите —

в защиту мира!

Дальше в листовке сказано:

«Кто же такие женщины, борющиеся за мир? Это вы, если вы женщина и делаете что-нибудь, чтобы помешать войне. Это не организация, это — движение. У нас нет членских взносов, нет членских книжек, нет руководящего бюро, нет освобожденных работников. В каждой группе женщины организованы ровно настолько, насколько это их устраивает...»



Дагмар Уилсон.

Рисунок П. БУНИНА.

Мы действуем против смерти и разрушения, за жизнь и будущее. Мы считаем, что каждая женщина несет личную ответственность за то, чтобы создать мир без войн. Сейчас для этого есть еще время».

Для того чтобы вам стало ясно, как стремительно и энергично действуют участницы движения, я расскажу один случай.

Некоторое время назад, когда канцлером Западной Германии был еще Аденауэр, он прибыл в Соединенные Штаты для переговоров. Визит этот встревожил американок. В штате Калифорния, в городе Лос-Анжелосе, всего двадцать женщин взяли за телефонные трубки и позвонили друг другу: посоветоваться, что надо предпринять.

Обсуждение было коротким, телефонный разговор занял несколько минут. В результате его двадцать женщин приняли решение послать телеграмму президенту Соединенных Штатов с требованием воспрепятствовать передаче атомного оружия Западной Германии.

Приняв такое решение, каждая из этих женщин позвонила всего нескольким своим знакомым и рассказала, что именно она думает о приезде Аденауэра и как собирается поступать. Знакомые тоже сняли телефонные трубки и позвонили своим друзьям, чтобы передать тревожную и серьезную новость. Те, в свою очередь, тоже сняли телефонные трубки...

Дальше я рассказывать не буду. Скажу одно: спустя самый небольшой срок в адрес Белого дома пришло от американских женщин пятнадцать тысяч телеграмм, содержащих одинаковые требования.

Дагмар Уилсон знают женщины по всей стране, популярность ее велика, авторитет бесспорен. Достаточно только назвать имя Дагмар, и вы сразу увидите, как светлеет лицо собеседницы, и услышите доброе восклицание:

— О, наша Дагмар... Другой такой нет!

Когда Дагмар Уилсон вызвали в комиссию по расследованию

антиамериканской деятельности, вслед за ней туда пришло несколько сот женщин, — они заявили, что хотят отвечать на все вопросы вместе с ней.

В чем можно было обвинить Дагмар? В одной из американских газет я видела карикатуру: сенатор, пришедший на заседание комиссии, спрашивает шепотом соседа:

— Простите, я опоздал на заседание и сейчас не совсем понимаю, о чем идет речь. Не можете ли вы объяснить, что именно мы признали антиамериканским: женщин или мир?

Но комиссия все-таки пыталась предъявить Дагмар Уилсон обвинение в том, что в движение женщин «проникли коммунисты». Дагмар спокойно ответила, что она не спрашивала никого из участниц движения, коммунистки они или нет, и что любой человек, стремящийся установить мир на земле, может за него бороться. Она сказала, что считает защиту мира кровным делом американцев, но мир зависит от некоммунистов столько же, сколько и от коммунистов. За него нельзя бороться в одиночку, и не может быть мира на земле, пока не будет уверенности, что никто не хочет начать войны.

Обо всем, что я рассказываю сейчас, я слыхала еще до приезда в Америку. Из бесед с друзьями немало узнала я и о самой Дагмар. И вот я оказалась в ее доме.

Какие удивительные у нее глаза — внимательные, умные, с вспыхивающими в глубине зрачков золотыми искорками!.. Когда я вижу таких людей, мне всегда кажется, что лица их освещает изнутри невидимый огонек. Ореол коротких каштановых волос делает лицо Дагмар очень молодым. Приглядевшись, видишь тонкие морщинки возле глаз, усталые черточки у губ. Наверху в комнате я встретила дочку Дагмар. По виду ей было лет 16, но она казалась куда выше ростом, чем хрупкая, миниатюрная мать...

По профессии Дагмар Уилсон художник, она иллюстрирует книги для детей. Когда мы прошли в ее рабочую комнату, она показала свои рисунки. К огорчению моему, у нее не оказалось экземпляра книги с ее иллюстрациями; если бы я привезла эту книгу с собой, вы бы сейчас тоже увидели рисунки Дагмар.

По страницам книг, которые она иллюстрирует, шагают веселые, храбрые герои, на ветках сидят говорливые птицы, цветы медленно и доверчиво раскрывают лепестки, показывая маленькое свое сердце, которое у цветов зовется сердцевинкой... Каждое дерево растет на свой лад: одно стоит, как привратник у входа в лесные владения, другое задумалось над прудом, свесив ветки в воду и печально глядя на свое отражение, третье шумит под дождем, охорашиваясь, точно красotka перед балом, встряхивая зелеными кудрями на ветру...

Рисунки о добрых людях и доброй природе создает человек, влюбленный во все живое.

Это всего лишь детские книги, в них нет ни слова о войне, о мире, о борьбе. Но столько в рисунках Дагмар нежности и жизни, столько веры в непременность счастья, что я узнаю в них сильную и теплую руку женщины, которая сидит рядом со мной и смотрит своими внимательными глазами с вспыхивающими в глубине зрачков горячими искорками.

Пока мы сидели в рабочей комнате Дагмар, дом наполнялся приглашенными. Происходило это, как обычно, очень быстро: спустя десять минут все комнаты были полны. Позже всех пришла Маленькая Мама.

Я не записала ее имени и, когда вспоминаю ее, называю именно так: Маленькая Мама. Представьте себе светловолосое существо с голубыми глазами, розовыми щеками и фигурой лесного эльфа. На ней широкая ситцевая юбка с помочами и светлая блуза. Белокурые волосы спускаются до плеч.

На руках у Маленькой Мамы был бэби в ползунках, месяцев восьми от роду. Девочка лет четырех, оглядывая шумное общество шустрыми, любопытными глазами такого же голубого цвета, как у мамы, шагала рядом. На шее у Маленькой Мамы висела фотографическая камера, снабженная приспособлением для вспышки. В руке она несла большую круглую сумку.

Вот в таком виде Маленькая Мама, которая тоже участвует в движении «Женщины, боритесь за мир!», пришла на встречу в дом к Дагмар.

Едва войдя в комнату, она тут же стала возиться с фотографическим аппаратом. Бэби оказался на руках у кого-то из нас. Вначале он агукал, смеялся, открывая крошечный, розовый, как лепесток, беззубый ротик, но потом вдруг сердито наморщил лоб и закричал.

Маленькая Мама, продолжая возиться с фотоаппаратом, полезла в круглую сумку и вытащила оттуда бутылочку с молоком и надетой на горлышко соской. Бэби, завидев бутылочку, сразу умолк, через секунду уже слышалось тихое, довольное чмоканье: бэби кушал, мужественно перенося драматическое состояние своих ползунков.

Оставить детей Маленькой Маме было не на кого. Вместе с

тем она не хотела отказаться ни от участия в движении «Женщины, боритесь за мир!», ни от многого другого, что ее интересовало. Поэтому она всюду ходила вместе с детьми. Бэби она сажала на креслице, прикрепленное к ее спине перекрещивающимися ремнями, точно рюкзак, а дочка бежала рядом. Энергия этой молоденькой женщины и ее умение не сдаваться перед трудностями, появившимися, когда она стала матерью двух детей, очень понравились мне.

Тут я хочу вам рассказать об одной особенности, которую я заметила в жизни американских детей и американских мам.

Особенность эта вот такая.

В Америке нет бабушек. Пожалуйста, не смейтесь и не удивляйтесь: это именно так.

Конечно, бабушки как таковые в официальном, фактическом значении этого слова есть. Я имею в виду, к примеру, пожилую женщину, у которой есть дочка или сын, а у этой дочки или сына есть, в свою очередь, дочка или сын. Тогда пожилую женщину, как и всюду на свете, называют бабушкой.

Но ни разу нигде в Соединенных Штатах — ни в большом городе, ни в маленьком — я не видела на улице привычной для нас картины: бабушки, которая катит колясочку, где спит бэби, или ведет за руку малыша. Может быть, мне просто не повезло, не знаю. Но чего не видела, того не видела.

А вместе с тем у некоторых моих американских знакомых, конечно, были внуки и внучки. Они показывали мне их фотографии и первые письма, где внуки желали бабушкам веселого рождества и счастливого Нового года. Они рассказывали, как на рождество внуки приезжают к бабушке в гости.

Но внуки были отдельно, а бабушки отдельно. С той поры, как дочка или сын обзавелись своей семьей, они жили сами по себе. И очень часто жили в другом городе или в другом штате.

С одной стороны, это может быть неплохо: родители дают детям образование, «ставят на ноги», а дальше дети должны полагаться прежде всего на собственные силы.

Но бабушки... Как же все-таки без бабушек?!

Попробуйте представить свою жизнь без бабушки. Нет, в самом деле, как же все-таки без них?

Милые наши бабушки, которые учат вместе с нами заново таблицу умножения, когда мы поступаем в школу, горюют вме-

сте с нами, когда к нам приходит первое огорчение, ждут нас, охваченные тревогой, в ту бессонную, в ту грозную, в ту прекрасную и удивительную ночь, когда мы впервые с опозданием возвращаемся домой после первого в нашей жизни свидания...

Неутомимые, самоотверженные наши бабушки, которые помогают в пути большому кораблю семьи, указывая, словно зоркие лоцманы, как избежать мелей и рифов. Порою дети и внуки снисходительно посматривают на них, не без основания считая себя уже достаточно взрослыми, чтобы во всем самостоятельно разобраться. Порою они деликатно дают понять, что бабушкины лоцманские карты устарели и сейчас новые корабли идут по новым трассам.

Что ж, это тоже бывает. Но как же все-таки без бабушек?!

По-моему, плохо без бабушек. Плохо без детских садов и яслей. И вот Маленькая Мама так же, как многие другие молодые американские матери, всюду ходила с детьми, потому что оставить их было не на кого.

Правда, можно позвать «бэби-ситер». Сейчас я расскажу, кто такая «бэби-ситер».

Это женщина, которая приходит за плату посидеть с детьми, когда мать хочет отлучиться из дому. Ее можно вызвать по телефону, можно предупредить о вызове заранее, и она придет и останется в доме, пока дети будут одни. Как правило, она умеет обращаться с детьми, умеет их развлечь и вовремя накормить. Если это в маленьком городе, то многие матери хорошо ее знают. Сегодня она приходит к миссис Смит, завтра ее вызывает миссис Бэкер, а в пятницу она сидит у телевизора с детьми миссис Карпентер. Быть «бэби-ситер» — ее специальность.

«Бэби-ситер» получает плату за каждый час, который она проводит с чужими детьми. Плата эта немалая, а в бюджете обыкновенной американской семьи весьма ощутима. Поэтому молодые матери прибегают к ее помощи только в крайнем случае.

И если где-нибудь на газетной фотографии я узнаю Маленькую Маму, шагающую в толпе демонстрантов и несущую в руках плакат с надписью «Нет — войне во Вьетнаме!», — я пойму, почему детей с ней нет.

Детей иногда все-таки приходится оставлять дома. Даже если для этого надо вызывать «бэби-ситер».



Позорная агрессия США во Вьетнаме вызывает все большее осуждение в самих Соединенных Штатах. На улицы и площади городов выходят с требованиями прекратить грязную войну тысячи честных американцев. В первых рядах демонстраций идут женщины.

На снимке, который мы перепечатали из американской газеты «Пиплс уорлд», вы видите организованное женщинами шествие от г. Беркли (предместья Лос-Анжелоса) до г. Окленда.

«Сопровождайтесь призыву в армию, где вас заставят убивать или где вы погибнете сами!», «Мы требуем прекратить американское вмешательство во внутренние дела Вьетнама!» — написано на плакатах и транспарантах, которые несут участницы шествия.

Ж

арким летом в Туркмении слишком много солнца и слишком мало зелени. Среди бескрайних пустынь и полупустынь лишь поливные поля поймы Аму-Дарьи да предгорья Копет-Дага радуют глаз сочным изумрудом. И все же растительный мир Туркмении не так уж беден, как кажется. По богатству и разнообразию растительного лекарственного сырья Туркмения стоит едва ли не на одном из первых мест в мире.

Буквально неисчерпаемы запасы солодки — удивительного растения, приторно-сладкий корень которого используется во многих отраслях народного хозяйства. Издавна солодка в больших количествах вывозится за границу, преимущественно в Америку. В полупустынях на десятки километров тянутся заросли анабазиса, или, по-туркменски, ульдрука («убийцы»), содержащего алкалоид анабазин — эффективное средство для борьбы с вредителями садов и огородов. Из другого растения, кустарника эфедры, добывается лекарство эфедрин.

К сожалению, большая часть растительных ресурсов Туркмении не используется или используется мало оттого, что мы еще недостаточно хорошо их знаем и не умеем с ними обращаться. Как можно полнее изучить растительные богатства — задача ботаников. Я счастлива, что непосредственно участвую в этом нужном и увлекательном деле.

Еще в те дни, когда я была студенткой, профессор В. А. Виноградов ввел меня в мир растений. Академик Б. А. Келлер открыл передо мной путь к богатствам родной земли. Теперь у меня много коллег и сотрудников. Где только не побывали мы в поисках растений! Не раз пересекали пески Каракумов, исходили пойму Аму-Дарьи, продирались сквозь чащобу прибрежных «джунглей» — тугайных зарослей, собирали гербарии в древних речных долинах и в отрогах Копет-Дага.

Нам удалось выявить и описать 57 различных лекарственных растений. Это не какие-то совершенно новые, неизвестные до толе науке виды растений, — в наше время рассчитывать на открытие новых растений довольно трудно, хотя такая возможность и не исключена. В число этих 57 входят и знакомая уже нам солодка, и камыш и эфемера. Но мы разведали места их распространения, изучили свойства — словом, собрали много данных, необходимых для научных и практических работ по их использованию. Например, определены запасы солодки и разработаны рекомендации по добыче ее. Заготовка солодкового корня в республике ведется теперь по этим рекомендациям. В процессе изучения солодки неожиданно обнаружили и такие ее качества, о которых раньше не подозревали. Оказалось, что в солодке есть вещества, обладающие гормональным действием.

Иной раз в знакомом растении вдруг обнаруживаешь столько неожиданного, что все прежние представления о нем блекнут и встает как бы совершенно новое растение, никогда раньше не виданное. Так вот, по-новому предстала перед нами верблюжья колючка, или янтак, постоянный житель песчаных пустынь.

Верблюжью колючку трудно назвать красивой. Даже на фоне невзрачной пустынной растительности она кажется уродцем. Рост маленький, стебель жесткий. И ко всему этому толстые шипы, которыми усеяно все растение сверху донизу. Для верблюда янтак — лакомство. Другие животные обходят его стороной. Человек, если нет под



А. АШИРОВА,
доктор биологических наук
(Институт ботаники Академии наук
Туркменской ССР)

УЧЕНЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ

Анна Ашировна Аширова первой среди туркмен-ученых получила степень доктора биологических наук. Нелегко был ее путь в науку. Дочь бедных дехкан, шести лет она осталась круглой сиротой: отец и мать ее погибли во время эпидемии холеры в 1917 году. Девочка воспитывалась в детском доме. По командировке комсомола училась в Москве, на рабфаке имени М. Н. Покровского при МГУ. В 1933 году переехала в Ташкент, здесь поступила в филиал Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. Некоторое время посещала лекции в Ташкентском педагогическом институте, затем три года учительствовала в Каракалпакии. И, наконец, Ашхабад, медицинский институт, а потом естественно-химический факультет Ашхабадского педагогического института. Здесь она и нашла свое настоящее призвание.

Вот уже четверть века занимается Аширова исследованием полезных растений родной Туркмении. Результаты этих исследований воплощены в десятках новых лекарств и технических препаратов, которыми пользуются тысячи людей.

Маина верблюжьей колючки

рукой ничего более подходящего, использует янтак в качестве топлива, а большей частью беспощадно уничтожает его как злейший сорняк. Вот, пожалуй, и все, что было известно ученым о верблюжьей колючке. Но в народе с давних пор она использовалась и как лекарственное растение. Еще девочкой я замечала, что некоторые дехканы при цинге или болезнях желудка пьют настой из янтака. Много позже я вспомнила об этом, когда изучала народную медицину.

Своими мыслями я поделилась с товарищами по работе, кое с кем из химиков, фармакологов, медиков. Колючкой заинтересовались. Нашлись и подлинные энтузиасты, вроде ашхабадского врача Н. А. Синельникова, много лет отдавшего изучению свойств верблюжьей колючки.

И верблюжья колючка оказалась вовсе не тем, за что мы ее принимали. Золушка растительного мира обернулась прекрасной царевной. Клиническими испытаниями установлено, что в ней содержатся лекарства от авитаминоза и желудочно-кишечных заболеваний, от женских болезней, от заболеваний уха, горла, носа, глазных болезней и ряда других недугов.

Изучая флору своей республики, мы, ботаники, стремимся и пополнить ее. В Туркмении, да и вообще в Советском Союзе, нет растения амми. А оно очень нужно для лечения довольно распространенного в Средней Азии заболевания витилиго, при

котором у человека пропадает пигментация и кожа покрывается белыми пятнами. Амми, вернее, препарат его меладенин, всегда ввозился из Египта.

Мы задалась целью обзавестись собственным, отечественным амми. В 1962 году наш институт совместно со Всесоюзным институтом лекарственных и ароматических растений сделал попытку вырастить амми в Туркмении. Под Ашхабадом засеяли опытный участок. Изнеженный житель дельты Нила великолепно прижился на туркменской земле. В 1965 году опыты повторили, и снова успех. Из нового, туркменского амми получили лечебный препарат.

Я назвала здесь лишь несколько растений, которые исследуются ботаниками Туркмении, и, конечно, не одними только ботаниками. Над изучением растительных сокровищ сообща работают ученые самых различных специальностей: ботаники дают исходный материал, химики определяют химический состав, молекулярное строение и выделяют полезные вещества, фармакологи синтезируют лечебные препараты, проверяют их действие, и, наконец, врачи применяют новые лекарства для лечения людей.

Многие виды растений еще ждут своих исследователей. Не сомневаюсь, что в недалеком будущем появятся новые целебные средства, подаренные людям флорой Туркменистана.

Записала З. МЕДИНСКАЯ.

Страдание «за не свое горе»



К. Т. Новгородцева. 1919 г.

СЛАВНАЯ БОЛЬШЕВИЧКА

В марте нынешнего года исполнилось 90 лет со дня рождения Клавдии Тимофеевны Новгородцевой (умерла в 1960 году).

Член партии с 1904 года, одна из активных деятелей революционного движения, Клавдия Тимофеевна была женой и соратником Якова Михайловича Свердлова. Еще в годы первой русской революции Клавдия Новгородцева являлась членом большевистского комитета в Екатеринбурге, потом в Перми, участвовала в боевой дружине уральцев. Большевики Урала посылали К. Новгородцеву своим делегатом на IV съезд РСДРП.

Бесстрашная революционерка прошла сквозь царские тюрьмы, вместе с мужем отбывала ссылку в Туруханском крае. Вернувшись из ссылки в июле 1917 года, по поручению партии возглавляла издательство ЦК РСДРП «Прибой». В дни подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции участвовала в организации собраний и митингов питерских рабочих, выполняла задания Военно-революционного комитета.

С марта 1918 года Клавдия Тимофеевна работала помощником секретаря ЦК партии, заведовала секретариатом ЦК.

Заметный вклад внесла К. Т. Новгородцева в дело воспитания детей и народное просвещение. С 1920 года она руководила отделом детских учреждений ВЦИК, а потом была занята издательской, литературной и пропагандистской работой. В литературно-публицистическом наследии К. Т. Новгородцевой (Свердловой) — книги, брошюры, статьи.

Заслуги этого замечательного большевика перед партией, перед Родиной были отмечены орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Накануне Октябрьской революции Владимир Ильич Ленин, скрываясь от ищеек Временного правительства, жил в квартире М. Ф. Фофановой. Увидев как-то у нее на столе открытку с репродукцией картины художника Ярошенко «Всюду жизнь!», Владимир Ильич сказал: «Вот замечательный художник!»

«А кто такой Ярошенко, — вспоминает Фофанова, — я настояющему не знала. Он рассказал мне его биографию: «Подумайте, это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!.. Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

Действительно, нельзя не воздать должного Николаю Александровичу Ярошенко — одному из самых последовательных представителей демократического реализма в русской живописи второй половины XIX века. Впервые благодаря ему вошли в «большое искусство» образы нещадно эксплуатируемого, но могучего русского рабочего («Кочегар»), томящегося в застенке стойкого революционера-демократа («Занятый»).

Первым из русских художников создал он образ девушки-революционерки в картине «У Литовского замка». Работу над картиной «У Литовского замка» Ярошенко начал весной 1878 года, видимо, под свежим впечатлением от процесса Веры Засулич.

24 января 1878 года Вера Засулич, только что отбывшая длительную административную ссылку за содействие народнику Нечаеву, явилась под видом просительницы в приемную градоначальника Петербурга Ф. Ф. Трепова. Подал ему прошение о выдаче свидетельства о благонравном поведении для получения диплома на

звание гувернантки, она почти в упор выстрелила в Трепова из револьвера.

Причиной этого выстрела, прогремевшего на всю Россию, было возмутительное поведение Трепова в Доме предварительного заключения у «политических». 13 июля 1877 года Трепов посетил тюрьму. И, проходя по двору, куда вывели на прогулку заключенных, ударил в лицо, а затем приказал высечь розгами студента Боголюбова за то, что тот при вторичной встрече с ним, градоначальником Петербурга, не снял шапки. После «экзекуции» Боголюбов был переведен в Литовский замок — тюрьму, где содержались «государственные» преступники. Когда Вере Засулич

К началу 1881 года картина была закончена, и 1 марта — примечательно, что это было в день убийства народовольцами Александра II, — появилась на выставке передвижников. Картина «вызвала скандал», ее поспешили снять, а художника подвергли домашнему аресту. Картина была изъята цензурой и погибла.

К счастью, сохранился ценный подготовительный материал, множество эскизов, которые помогают мысленно восстановить погибшую картину.

Позднее художник создает несколько произведений, раскрывающих внутренний мир перedoвых русских женщин, Ярошенко пишет «Курсистку»



Женская голова. Этюд к картине «У Литовского замка».



Террористка.

стало известно, что дикий поступок Трепова остался безнаказанным, она решила исполнить над ним «приговор общественной совести», как писалось в революционной прокламации того времени.

Под воздействием общественного мнения Петербургский окружной суд вынес Вере Засулич оправдательный приговор. Возбешенное решением суда царское правительство издало приказ о немедленном аресте отважной девушки. Однако Засулич удалось скрыться, переправиться за границу, где она стала участницей плехановской группы «Освобождение труда».

Подвиг героической Веры Засулич — так назвал ее Фридрих Энгельс, — весь этот необыкновенный процесс глубоко взволновали русское общество.

Ярошенко, естественно, не мог не разделить настроения, общего для русских демократических кругов.

«Прогрессистку», «Гимназистку», «Женский портрет».

К числу таких работ относится и большой «Портрет неизвестной» (1881), хранящийся в Третьяковской галерее.

Художник решает портрет в сдержанных тонах. Все его внимание сосредоточено на душевном состоянии молодой женщины, судя по пледу, брошенному на подлокотник кресла, курсистки. Ее устало опустившаяся в кресло фигура в черном платье, склоненная голова, нервное лицо и скорбный, как бы ушедший в себя взгляд выражают, по словам Глеба Успенского, то страдание «за не свое горе», которое характерно для большинства женских образов Ярошенко.

«Портрет неизвестной», два этюда к картине «У Литовского замка» — «Женская голова» и «Террористка» — читатели увидят на этих страницах.

А. ЯРОШЕНКО. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ.





Певец земли русской

Живопись Сергея Герасимова, замечательного советского художника-пейзажиста, хорошо известна любителям искусства не только в нашей стране, но и за ее пределами.

С именем тонкого лирика Сергея Васильевича Герасимова связаны всегда самые добрые чувства и яркие впечатления. Его больше нет в живых, но произведения, созданные им, продолжают радовать и волновать людей.

Открытая в Москве в залах Дома художника юбилейная выставка С. Герасимова, посвященная 80-летию со дня рождения художника, показывает весь его долгий творческий путь.

Великолепный пейзажист С. В. Герасимов пробова себя и в других жанрах. Кто не знает его тематических картин «Рыбаки на Волхове», «Ленин на II съезде Советов», «Колхозный праздник»... Широко известны иллюстрации Герасимова к «Делу Артамоновых» М. Горького, к «Грозе» А. Островского, к «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова.

И все-таки самым лучшим в творчестве художника всегда были пейзажи. Герасимов страстно любил русскую природу, тонко чувствовал ее неповторимую красоту.

Продолжая лучшие традиции русского пейзажа XIX века, Герасимов ассоциирует природу с чувствами и переживаниями человека.

Все времена года опозитизировал художник.

Тоска увядания и задумчивая грусть отличают его осенние пейзажи, зимние — яркая близость снегов, летние — солнечность и пышное цветение. Но особенно много у него произведений, рисующих неповторимую прелесть весны, возрождения природы.

Не случайно за серию пейзажей «Земля русская» Сергей Васильевич Герасимов был посмертно выдвинут на соискание Ленинской премии 1966 года.

Татьяна ТИХОНОВА

С. ГЕРАСИМОВ.

ВЕСНА (акварель).

ПЕЙЗАЖ С БАШНЕЙ.
НАЧАЛО ВЕСНЫ.

Весенние

Екатерина ЯНИШЕВСКАЯ

ПОЛОВОДЬЕ

Плакучие березы
У пенистой реки,
Когда же вы наденете
Зеленые платки?
Вам боязно
И холодно
От яростной волны,
До пояса,
До пояса
В воде стоите вы.
Ночами звезды падают,
Качаются у ног,
А месяц побледневший
До косточек
Продрог.



С. Герасимов. Весенний день.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

* * *

Уже ручей сквозь лед пробился,
Уже скворец в ручье напился.
Уже свалился снег с ветвей,
И с каждым днем в лесу светлей.
Уже речушка Вертушинка
С утра продула камышинку,
И серебристая свирель
Встречает ветреный апрель.
Уже смотрины в птичьем стане,
Уже меня в дорогу тянет.
Журавль дается в руки мне,
И море по колено мне!
Уже короче сны и сказки,
Уже отчетливее краски,
И черной тушью нарисован
Дуб на небесном полотне...
Уже пишу тебе я снова
Стихотворенье о весне.

Ирина ЖЕРНАК

* * *

Есть первые вёсны, последние вёсны.
А есть и такие, где руки, как весла,
Где лавка, что лодка, где лужи, что море;
Где Борькин портфель, как маяк,
на заборе;
Где свист потового — сигнал «Отплываем!»
Попробуйте спорить, что так не бывает.

Этери ДЖГАМАДЗЕ

АПРЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Пришел апрель, как юноша влюбленный.
На гребни гор, на сонные луга
Рукою щедрой и неугомонной
Рассыпал он, как слезы, жемчуга.
Цветы, деревья, травы встрепенулись,
Вдыхая жадно капли этих слез...
И мне, как другу, нежно улыбнулись
Застенчивые веточки мимоз.

Перевод с грузинского
Юрия АНОХИНА.

Лидия УРУШЕВА

* * *

Сиреновой цветущей веткою
Украшен каждый поворот.
Москва мне кажется студенткою,
Что на экзамены идет.

Она робеет и волнуется,
Она торопится в июнь.
Люблю ее любую улицу,
Любую черточку люблю.

В сквозящем шелке майских праздников,
В рабочей пестроте метро,
Люблю растущей и проказливой,
Во власти утренних ветров.

Она с улыбкою летучею
Зазывно смотрит мне в лицо,
Большой орбитой раскручивая
Свое Садовое кольцо.

ЯЗЫК МОЙ- ДРУГ МОЙ

НЕОЖИДАННЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Оплот — слово высокого стиля, торжественное. Оно вызывает в нашем сознании представление о незыблемой твердыне. А родственники у этого слова совсем простые — **плот** (связанные бревна), **плотник** (мастер, занимающийся постройкой деревянных сооружений).

Роднит эти слова общий корень.

А вот задача посложнее. **Каракатица** — морской моллюск с короткими щупальцами, с чернильным мешком, содержащим красящее вещество. Слово это есть в русском и болгарском языках. Есть у него неожиданные родственники: **окорок** и **карачки**. Но чтобы установить это родство, надо совершить небольшую экскурсию в прошлое. Ползать на карачках — что значит ходить на четвереньках, на четырех ногах. А **окорок** — это бедренная или лопаточная часть туши животного, часть тела, прилежащая к задней или передней ноге. В русском языке было слово **корок**, которое и обозначало ногу. В родственном русскому славянских языках и сейчас есть это слово: в польском — **крок**, в болгарском — **крак**.

У каракатицы много щупалец, а по представлению древних людей, много ног. Слово **каракатица** образовалось при помощи суффикса **-ица** от слова **караката**, то есть «ногастая».

Правильно ли вы ставите ударение?

Доплыть: доплыл, доплыла (не доплыла), доплыло, доплыли (не доплыло, доплыли).

Дорваться: дорвался, дорвалась (не дорвалась), дорвалось, дорвались (допустимо дорвалось, дорвались).

Драться: дрался, дралась (не дралась), дралось, дрались (допустимо дралось, дрались).

Ждать: ждала (не ждала), ждало (не ждало), ждали.

Жить: жила, (не жила), жило (не жило), жили.

Забрать: забрал, забрала (не забрала), забрало (не забрало), забрали.

Забраться: забрался, забралась (не забралась), забралось, забрались (допустимо забралось, забрались).

Завести: заведённый, заведён, заведена, заведено, заведён (не заведённый, заведён).

Завезти: завезённый, завезён, завезена,

завезено, завезён (не завезённый, завезён).

Завиться: завился, завилась (не завилась), завилось, завились (разговорный завилось, завились), (не завился, завилась, завилось).

Отвечаем читателям

Как правильно говорить: заимообразно или взаимоотнообразно? С таким вопросом к нам обратились читательницы И. ВАВИЛИНА и Г. ПОПОВА из г. Хабаровска.

Правильная форма — заимообразно. Слова, оканчивающиеся на **-образный** и **-образно**, возникают, как правило, из существительных и (реже) прилагательных: **человекообразный** (от слова «человек»), **конусообразный** («конус»), **волнообразно** («волна») и т. п.

Слово «заимообразно» образовано от существительного «заём». Искажение слова «заимообразно» в устной речи происходит под влиянием наречия «взаимы» (откуда и лишняя приставка «в» — «взаимообразно»). Надо помнить, что из наречий подобные слова не возникают.

Т. Гундарь (г. Луганск) спрашивает: «Какая разница между словами «талантливый» и «одаренный»?»

Прилагательные «талантливый» и «одаренный» — синонимы. Во многих случаях можно взаимно заменять их: «Это очень талантливый юноша», «Это очень одаренный юноша». Но разница все же есть. «Одаренный» — слово более высокого, приподнятого звучания, чем слово «талантливый». Талантливым мы обычно называем человека, обладающего выдающимися способностями в какой-то одной области. А слово «одаренный» применимо, кроме того, и к людям, наделенным разнообразными талантами. Т. Л. Щепкина-Куперник в книге «Театр в моей жизни» писала: «Отец был человеком одаренным: хорошо рисовал, писал стихи». Прилагательное «талантливый» относится и к людям и к плодам их творчества. Мы говорим не только «талантливый писатель», «талантливый композитор», но и «талантливый рассказ», «талантливая книга», «талантливое исполнение». Слово «одаренный» относится только к человеку. Нельзя сказать: «одаренная повесть» или «одаренный спектакль».

«Как лучше сказать: скучаю по вас или скучаю по вам?» — интересуется А. МАКАРОВА из г. Выборга.

Существительные в этих случаях употребляются в дательном падеже: **скучаю по отцу, тоскую по сыну**. С местоимениями дело обстоит сложнее: местоимения **мы** и **вы** при глаголах типа **скучать, тосковать** после предлога **по** ставятся обычно в предложном падеже: «скучаю по вас», «тоскуют по нас»; местоимение **они** — в дательном: «не скучайте по ним». Возможно и употребление предлога **о**: «тосковал о них», «скучаю о вас». Предлог **за** («скучаю за тобой») употреблять не следует: это местный, не принятый в литературной речи оборот.

А. КАЛИНИН

Поговорим о наших детях

НЕ РАДИ ОТМЕТОК...

Так бывает в каждой семье. Мы приходим домой и говорим своим ребятам:

— Что сегодня было в школе? Покажи дневник.

И вот дневник в руках у мамы. Чем она интересуется прежде всего? Что проходили по ботанике? Что задано по географии? Нет! Прежде всего мама смотрит, какие стоят отметки. А потом...

Что бывает потом, ребята рассказывают в своих письмах в «Пионерскую правду»:

«Если у меня в дневнике хоть одна тройка, меня всю неделю не пускают в кино...»

«Мне запретили читать книги, велели не ходить на пионерские сборы — только чтобы я училась на пятерки...»

Как видите, в каждой семье своя забота. В одной тревожатся из-за тройки. В другой и четверку не признают хорошей отметкой.

Нет сомнений: интерес родителей к тому, как учатся их сын или дочь, понятен и необходим. Каждая семья хочет, чтобы школьник с малых лет привык трудиться в полную силу, чтобы школа дала ему как можно больше знаний.

Не секрет, что у ребят трудолюбивых, серьезных, здоровых школьные дела всегда идут хорошо. Больше того, школьные успехи ребят обычно —

Отдел ведет кандидат филологических наук Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

верный признак, что вся семья дружная, работающая. Ну, а если у школьника отметки неважные? Значит, все наоборот? Не будем торопиться с ответом! В своем отношении к школьным отметкам ребят мы нередко еще поверхностны, ненаблюдательны, несправедливы. Давайте подумаем: так ли уж точно говорят отметки о всех душевных качествах наших ребят? И можно ли с одной меркой подходить ко всем детям?

...Мастер Калининского вагоностроительного завода—отец троих детей В. Росман мог бы, кажется, быть вполне доволен своим старшим сыном. Сережа учится на пятерки и четверки. Но отца тревожит характер мальчика. Когда дома Сереже дают какие-нибудь поручения, он порой отлынивает: мол, займусь с младшим братом — не получу завтра пятерку. По этому поводу В. Росман пишет: «Нельзя в семье только оценки ставить во главу угла. Любой папа, любая мама должны глубже вникать, что хорошо в детях и что плохо. Не нужны нам мещанские сверхсамолюбивые замашки: «Мой-то первый в классе».

Беспокойство это не случайно. Можно привести немало примеров того, как погоня за пятерками пробуждает в ребятах себялюбие. В Рязани, в школе № 25, две девочки наотрез отказались раз в неделю играть с октябрятами.

— Пусть другие возятся, а мы не хотим с пятерок съезжать.

В той же школе в шестом классе мальчик плачет, если ему ставят тройку: дома влетит.

В одном случае эгоизм. В другом — просто боязнь наказания. А все это результат «сверхсамолюбивых» родительских требований.

Не такое уж большое счастье «круглые» пятерки, если дались они ценой огромного перенапряжения, если ради них школьник лишился изо дня в день игр, книг, любимых дел, спортивных занятий, кино, друзей, возможности участвовать в общественных делах — всего, что не только приносит радость, но и формирует человеческий характер. А в старших классах требование любой ценой учиться на пятерки нередко мешает подростку выделить среди всех предметов главный для себя, самый любимый, тот, который станет делом всей жизни.

Частенько можно услышать такой разговор:

— Счастливая Анна Петровна! Ее Таня на пятерки учится.

— А у тети Паши-то Колька никудышный. Одни тройки носит...

Конечно, можно порадоваться за Анну Петровну, за ее Таню. Но стоит ли при этом вот так, походя, называть никудышным сына тети Паши Кольку?

Давайте познакомимся с этим Колькой поближе. Да, у него в школе все больше тройки. Но разве Колька лодырь? Кто же, как не он, помогает матери по хозяйству, нянчит младших? Именно поэтому времени на уроки у него куда меньше, чем у Тани. И получается, что Колькины тройки — отметки, достойные уважения. Тете Паше можно не печалиться из-за сына. Славный человек растет!

Зачем же укорять таких ребят, как Колька? Не лучше ли и дома и на родительском собрании в школе сказать об этих ребятах доброе слово? Похвалить за то, что не эгоистами они растут, за добросовестность, за трудолюбие.

Отметки и характер ребенка, его душевные качества — это одна сторона дела. Но есть и другая, не менее важная.

Человек идет учиться. Он идет в школу с радостью, если ему там интересно, если каждый урок для него открытие. А ведь так и должно быть! Мы, взрослые, давно знаем, куда впадает Волга и отчего день сменяет ночь. Школьник «открывает» это на уроке. Весь мир лежит перед ним еще совсем непознанным, а как хочется все знать, все понимать! Не ради отметки, за которую похвалят. Ради самого познания.

Но вот идет в школу совсем другой человек. На лице — тоска, безразличие. Он идет только потому, что старшие велют. Не пойдешь — накажут.

Дед этого школьника окончил только два класса. Мечтал учиться дальше, но в те времена было невозможно... Почему же внук, который может окончить десять классов, техникум, институт, упрямо заявляет: «В седьмой класс не пойду. Хватит»? Что же с ним случилось? Почему не манят его знания, которые даст ему сегодня школа?

Подождем его бранить. Вдумаемся, как могла случиться такая беда. А что это беда, наверное, все согласны.

...Чаще всего начинается с двойки. Нередко случайной. Учитель поставил двойку в журнал: мальчишка плохо ответил. Это означало, что он чего-то не знал, не понял, не выучил. Завтра он может выучить и понять. И тогда следом за двойкой в журнале появится тройка, четверка, может быть, и пятерка. Для этого одному нужна помощь товарищей, дополнительные занятия с учителем. А другой и сам справится. Ведь у него-то двойка была только из-за лени. Стоит почестному взяться за уроки — и учение наладится.

В общем, двойка всего лишь сигнал, который напоминает: на человека нужно обратить внимание. Но порой по этому

сигналу вместо разумной помощи, строгого, но доброжелательного разговора начинается переполох. Вместо исправления двойки начинается борьба с двоечником. И вот уже в классной стенгазете он целый месяц красуется верхом на двойке самого мерзкого гадючьего вида. На родительском собрании мать или отец сидят, как преступники: их сын — двоечник... Не каждый после такого еще раз наведается в школу. А сын? В школе его бранят, дома порой даже хватают за ремень. В итоге — страх перед уроком, перед наказаниями, попытки скрыть появление новых двоек, тайно от родителей прогулять нелюбимые уроки. Все больше укрепляется в человеке горькое ощущение собственной бесталанности. И озлобленность. И отвращение к школе. А когда занимаешься с отвращением, когда с дурным настроением садишься за уроки — какие уж тут «радости познания?» И вот паренек бубнит: «В седьмой класс не пойду. Хватит».

Пугает не только то, что такой мальчишка может бросить школу...

Живет в городе Канске семья. Хорошие, работающие люди. А сын Вова учится плохо. Мать сначала огорчалась из-за его лени, неусидчивости. Теперь она встревожена куда больше: Вова вообще возненавидел школу, уроки, книги. Возненавидел потому, что все время слышит от учителей: он хуже всех. Мало того. На предприятии, где работают родители Вовы, выходит стенная газета «Голос школы». Там тоже написано, что Вова хуже всех. Отец с матерью теперь стыдятся глядеть в глаза товарищам по работе, стыдятся сделать кому-нибудь самое нужное замечание, боятся услышать в ответ: «Чем других поучать, смотрели бы за собственным сыном».

Между тем родители искренне хотят сыну добра. Они боятся: если мальчишке все время твердить, что он «отпетый», «неисправимый», он и сам может поверить в это!

Когда читаешь письмо этой матери, как-то неловко становится за общественность, которая «боролась» с Вовой и его родителями. Ведь не «разоблачать» их надо было, а помочь. Советом, делом. Чем только можно, — на месте видней. Как благодарны в любой семье тем, кто помог поставить ребят на правильный путь!

В семье Олейник старший сын, Леня, рос слабеньким, после болезни у него испортился слух. Когда Леня пошел в школу, учение давалось ему плохо. Посыпались двойки. Мать Лени Анна Мартыновна решила заниматься с ним сама. Придет с работы, управится по хозяйству и садится с сыном

за уроки. Каждый день они занимались допоздна, но учение не шло на лад. Мать все больше бранила Леню, запретила ему рисовать и лепить, а это были самые любимые его занятия. Мальчик стал вялым, безразличным.

И вот Леня снова серьезно заболел. Его пришлось положить в больницу. Врач присмотрелась к мальчику, спросила мать о школьных делах сына.

— Замучили вы Леню упреками, запретами, дополнительными занятиями, — сказала она Анне Мартыновне. — Мы его вылечим, но хочу дать совет...

Когда Леня вернулся из больницы, мать, помня разговор с врачом, не говорила ему об уроках. Мальчик с увлечением лепил, рисовал. Через некоторое время начал читать. Охотно играл с младшим братишкой, которого прежде и видеть не хотел... Вместе со всеми этими интересами постепенно возвращался к нему совсем было пропавший интерес к учению, к школе.

Осенью Леня снова пошел в третий класс. Пошел с хорошим настроением, одновременно начал заниматься в художественной студии. Уроки делал сам, Анна Мартыновна только иногда его проверяла. А отметки становились все лучше. И сам Леня уже был не вялым, а бодрым, жизнерадостным мальчиком.

«Мне до сих пор больно и стыдно перед сыном за то, что было, — пишет Анна Мартыновна. — Сколько пролито слез, и все понапрасну! А перестали сына попрекать, разрешили заниматься тем, что он любит, — и пришла в дом радость».

Воспитание радостью, наверное, самое мудрое воспитание. Это не уступки слабостям, не подкуп подарками. Это — утверждение всего хорошего, что есть в ребенке. А оно есть. Обязательно. В каждом.

Понимание, терпение, умение присмотреться к ребенку, понять его, помочь ему — вот чего обычно не хватает в семьях, где у ребят не ладится с учением. Часто родители все детские неудачи вымещают на самих ребятах.

...Это разговор не о потакании, когда все кругом виноваты, только ребенок во всем прав и ни в чем не виноват. Это разговор о доброжелательности и внимании. О такой атмосфере в семье, когда ребенок берется за учебник не для того, чтобы принести завтра в дневнике отличную отметку. Просто ему самому очень нужно знать и про то, сколько глаз у пчелы, он испытывает творческую радость, найдет правильное, красивое решение задачи.

Наверное, об этом и должна быть главная наша забота.

И. СТРЕЛКОВА

Семья в четыре тысячи человек

Белоствольным кольцом березового леса окружен поселок Октябрьский. Разбегаются по четырем улицам чистенькие, под стать березкам, белые трехэтажные дома, где живут горняки шахты «Третья Калачевская». Невелик поселок — всего четыре тысячи жителей, но в нем магазины, школа на восемьсот человек, Дворец культуры, клуб, детский сад, ясли, комбинат бытового обслуживания. В 1964 году появился здесь и городской сад. Взрослые, дети — все работали в саду на субботниках, организованных женсоветом.

Как-то, в начале 1964 года, собрались женщины у Екатерины Георгиевны Шемет посмотреть телевизионную передачу. Пили чай, обменивались мнениями. На экране шел репортаж из Челябинска об одном из домов, куда жильцы прописали и красоту и добросердечие. И так было все хорошо, что хозяйкам из Октябрьского просто завидно стало: их дома в то время чистотой не блистали.

Вот тогда-то Екатерина Георгиевна и предложила заняться своим поселком.

На домах появились плакаты: «Ваша квартира начинается с подъезда». Женщины принялись чистить, мыть, красить. На окнах лестничных площадок зазеленели цветы. Затем вышли во дворы. И Муза Николаевна Кирьянова, и Антонина Алексеевна Шумакова, и Екатерина Прокопьевна Боко, и, конечно, председатель женсовета Екатерина Георгиевна Шемет. В те дни Екатерину

Хорошо, когда есть у ребят старший друг.

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.



Георгиевну видели около многих домов. Приходилось ей и уговаривать, и доказывать, и мирить, и советовать, и самой брать за лопату. Весной, когда нежный зеленатый пух окутал кусты жасмина и сирени, а на тоненьких веточках тополей появились красноватые сережки, все жители Октябрьского вдруг увидели, каким нарядным, празднично красивым стал их поселок.

Солнечным августовским воскресеньем во Дворце культуры праздновали День шахтера. Не забыли поблагодарить и тех, кто позаботился о родном поселке. Домам №№ 10 и 12 по Школьной улице вручили алые шелковые вымпелы «За лучший дом». Жители этих домов получили подарки — шахматы, шашки, настольный теннис.

Кому достанется вымпел в 1966 году — предугадать трудно. Одно можно с уверенностью сказать: это будет такой дом, в котором уживутся образцовая чистота, порядок, доброжелательность, большое внимание к детям — словом, это будет по-настоящему хороший дом.

О детях в поселке Октябрьском заботятся все, но больше других женсовет. Женсовет считает: главное — это разумная, интересная организация досуга. Дети в Октябрьском не скучают, не слоняются без дела. То у них забавные «ЧВС» — часы веселых состязаний, то прогулки на «наш Байкал», как называют в Октябрьском лесное озеро, то походы за грибами и ягодами. Установлен в поселке строгий контроль за режимом дня школьников, за их успеваемостью.

Центр ребячьей жизни — детская комната Дворца культуры. Руководит ею член женсовета поселка Анна Трофимовна Тараненко. По профессии она бухгалтер, но очень любит возиться с ребятами, умеет заинтересовать их, каждому помочь найти свой «конек». Хочешь танцевать — иди в ансамбль, хочешь читать стихи — запишись в драмкружок, хочешь научиться шить, вышивать, готовить — тебя ждет кружок домоводства.

Как-то мальчики предложили: «Давайте организуем футбольную команду!» Само собой разумеется, Тараненко никогда не играла в футбол, но она тут же отправилась в школу к преподавателю физкультуры Николаю Афанасьевичу Мартюшову. Когда началась запись в команду, желающих оказалось так много, что пришлось организовать не одну, а шесть команд — и для младших и для старших школьников. Все лето 90 мальчишек были заняты играми и состязаниями — то между домами, то между дворами, а то и между улицами.

Ответственным за спортивные дела выбрали шестиклассника Юру Гринева. Правда, о нем говорили: озорник, учится плохо, никого не признает, — но Анну Трофимовну это не испугало. Таких ребят она особенно стремится взять под свою опеку.

Нужно было видеть, с каким энтузиазмом организовывал Юра футбольные команды, какую строгую дисциплину ввел!

К зиме футбольные команды «переквалифицировались» в хоккейные, ребята залили во дворах катки, и соревнования развернулись с новой силой.

В детской комнате немало таких активистов, как Юра Гринева, — мальчишек, которые прежде числились «трудными», а оказались отличными ребятами, когда их помысли и энергию сумели направить на интересные дела.

Один из питомцев Анны Трофимовны, Сережа Маленьких, уже и в поселке-то не живет — он теперь ученик ремесленного училища в Челябинске. Но по воскресеньям, приезжая домой, он тут же бежит в детскую комнату. Сережа ведет здесь кружок малышей «Умелые руки».

Многие группы по интересам возглавляют в детской комнате комсомольцы с шахты и из школы.

Дети в поселке Октябрьском живут дружно. Здесь нет ни хулиганства, ни детской преступности. Мальчишки и девчонки растут жизнерадостными, любознательными, здоровыми.

Н. ВЬЮКОВА

пос. Октябрьский,
Челябинская обл.

Подсказано жизнью

Когда женская комиссия нашего завкома только еще начинала работать, думалось: вот есть «положение», принятое ВЦСПС, по нему и будем действовать. Однако жизнь показала, что работники обращаются в комиссию с самыми различными вопросами, не предусмотренными «положением». Круг нашей деятельности становится все шире.

Распространение опыта передовых производственников, улучшение условий труда женщин и подростков, вопросы быта — все это наши дела. Постоянно занимаемся мы внедрением малой механизации, облегчающей труд женщин. Недавно пришли к нам женщины в новой, только что полученной спецодежде, и всем одежда не по размеру — некрасиво, да и работать в ней неудобно. Пришлось и этим заниматься. Теперь наши работницы получают спецодежду нужных размеров.

Не так давно с помощью активисток мы провели по цехам смотр состояния охраны труда и техники безопасности. Смотри широко освещался в заводской печати, в стенных газетах. Комиссия настойчиво добивается, чтобы все недостатки, обнаруженные смотром, были устранены. Кое-что уже сделано: улучшены условия труда уборщиц кокса, зольщиц в парокотельном цехе, работниц заводской прачечной.

У завода есть в городе две подшефные школы. Недавно по инициативе нашей комиссии передовые бригады взяли шефство над отдельными классами: рабочие организуют экскурсии, туристические походы, вместе со школьниками устраивают «голубые огоньки», просто встречаются с ребятами, чтобы поговорить о заводских профессиях, о кинофильмах, о прочитанных книгах.

Наши активистки бывают на заседаниях родительских комитетов, на родительских собраниях. Это помогает выяснить, кто из родителей мало внимания уделяет детям, плохо их воспитывает. В случае необходимости приглашаем таких родителей на собрание общественности цеха, бригады, а иногда и завода.

Теперь на заводе стало правилом — при подведении итогов социалистического соревнования учитывать, как коллектив помогает подшефной школе. Если плохо, формально, то даже при отличных производственных показателях цеху или бригаде первое место не присуждается.

А. ВОЛОШИНА,
председатель комиссии
по работе среди женщин при завкоме
коксохимического завода

г. Днепропетровск.

Отвечают специалисты

НА ПЕРЕЛОМЕ

«...Мне что-то нездоровится в последнее время — болит сердце, голова кружится. Не могу работать, часто раздражаюсь, плачу. Врачи говорят — климакс, а лекарств никаких не дают, — пишет киевлянка Ольга Ш. — Посоветуйте, как мне избавиться от этого состояния. А может, ничего уж не поделаешь, старость пришла?..»

На этот вопрос, интересующий многих наших читательниц, отвечает кандидат медицинских наук главный редактор журнала «Здоровье» М. Д. ПИРАДОВА.

Климакс — слово греческое, в переводе означающее «лестница». Им пользуются в медицине для определения переходного этапа в жизни женщины. Медленно, постепенно идет женщина по ступеням этой лестницы от зрелого возраста к пожилому и подходит наконец к порогу старости. Но климакс — это не старость. Это лишь первый сигнал наступающего естественного увядания. Старость еще далеко. Умудренная жизненным опытом, сильная, зрелая женщина способна на активный творческий труд, не уступает молодым ни физически, ни духовно. С наступлением климакса ничего не меняется и в интимных отношениях между мужем и женой, отпадает только неприятная забота о предохранении от беременности, так как в этот период угасает деятельность половых желез. Кстати, климакс не минует и мужчин. У них подобное состояние наблюдается в возрасте между 45—60 годами.

Климактерический период проходит у женщин по-разному. У одних он длится всего несколько месяцев, у других затягивается на годы; у одних наступает раньше, у других — позже. Это зависит от многих причин, и прежде всего от общего состояния организма. Замечено, например, что ранний климакс (до 40 лет) чаще бывает у тех, кто подорвал свое здоровье многочисленными абортными, а также у женщин нервных, неуравновешенных.

Конечно, как всякая возрастная перестройка, климактерический период предъявляет организму повышенные требования и сопровождается иной

раз неприятными ощущениями. Но помните, что это не болезнь, а естественный физиологический процесс, и потому относитесь к нему спокойно, трезво, как к неизбежному, но временному явлению.

Первый признак наступающего климакса — нарушение менструаций. Они начинают «путаться», становятся то редкими (раз в 3—4 месяца), то, наоборот, слишком частыми; то скудными, то чересчур обильными. Бывает и так, что они внезапно резко прекращаются и больше уже не возобновляются. Все эти явления вполне нормальны и не должны вызывать тревогу. Совсем другое дело — длительные, по неделям, кровотечения или появление мажущих кровянистых выделений после прекращения менструаций. В таких случаях немедленно обращайтесь к врачу, не теряя ни одного дня и не успокаивая себя обманчивой надеждой, что «все образуется». Признаки эти могут указывать на серьезные заболевания, в том числе и на злокачественные опухоли. Чем раньше их обнаружите, тем больше надежды на полное излечение.

У большинства женщин климакс проходит легко, почти незаметно, без резких изменений в организме и жалоб на плохое самочувствие. Но, к сожалению, есть женщины, которых мучают так называемые «приливы»: кровь внезапно приливает к лицу, шее, кожа резко краснеет, все тело охватывает жаром. Приливы сменяются бледностью, обильным потом, слабостью. Иногда возникает беспричинное беспокойство, страх, угнетенность, слезливость. Почти всем женщинам переходного возраста свойственна раздражительность, легкая возбудимость, повышенная потребность в заботе, внимании, ласке — об этом всегда должны помнить их близкие — мужья, дети, друзья. В это время необходим особый такт, чуткость, бережность. Придется прощать женщине вспышки, неровность, маленькие капризы, помогать ей справиться с нелегким жизненным этапом. Скоро все вернется в нормальную колею.

Некоторые женщины, вступившие в период климакса, жалуются на боль в области сердца, сердцебиение, повышение артериального давления. Иногда к этому присоединяется упорная головная боль, головокружение, шум в ушах, неприятное ощущение «ползания мурашек» по телу. Кое-кто вдруг быстро полнеет, другие, наоборот,

худеют. Если женщина и раньше страдала каким-нибудь недугом, теперь он может обостриться, чаще о себе напоминает, например, гипертоническая болезнь, диабет, ревматизм. Конечно, в таких случаях нужно посоветоваться с врачом, но особенно волноваться не стоит. Организм постепенно приспосабливается к новым физиологическим условиям, и климактерические расстройства со временем проходят, причем тем быстрее, чем разумнее ведет себя женщина. Дело в том, что самочувствие ее в это время во многом зависит от нее самой. Если распустить себя, расслабить, временные недомогания действительно могут показаться невыносимыми. Женщины заняты, работающие легко переносят и трудности переходного возраста: им некогда прислушиваться к своим ощущениям, погружаться в анализ своих переживаний. Поэтому-то врачи и предлагают тем, кто неважно себя чувствует в это время, прежде всего укреплять свой организм, наладить режим, активнее заниматься физкультурой. И лишь в крайнем случае выписывают какое-либо лекарство.

Утренняя зарядка, прогулки, спорт, свежий воздух вселяют бодрость, энергию, улучшают настроение, а значит, и самочувствие. Обязательно принимайте каждое утро душ или обтирайтесь прохладной водой. Полезно также принять перед сном 10—15-минутную хвойную или хвойно-соленую ванну (хвойный экстракт можно купить в любой аптеке). Следите только, чтобы вода была не слишком горячая — 36—37 градусов. Если ванны вас возбуждают и после трудно уснуть, принимайте их утром или днем. Многим помогают и горячие ножные ванны.

Вечером, перед сном, обязательно погуляйте — это успокаивает, а кроме того, способствует уменьшению приливов. Спать ложитесь всегда в одно и то же время, лучше пораньше, в хорошо проветренной комнате. Постарайтесь так организовать время, чтобы выходной день целиком использовать для отдыха на свежем воздухе. Накопившимся домашним делам посвятите субботу — это не так уж трудно при условии, что вам помогут муж и дети.

Нельзя забывать и о правильном питании — разнообразном, но не слишком обильном. Ешьте по возможности 4—5 раз в день, желательно в одни и те же часы. Не наедайтесь на ночь. Особое предпочтение от-

давайте молочным и овощным блюдам, а вот употребление мяса, особенно жирного, придется ограничить. Старайтесь меньше есть сливочного масла, мучных и макаронных изделий, сладостей — это особенно относится к женщинам, склонным к полноте. Помните также, что острая, пряная пища, курение, спиртные напитки возбуждают нервную систему, и потому в переходном возрасте лучше их избегать.

Врачи заметили, что наиболее остро проявляются климактерические расстройства ранней весной и осенью. Это связано с ослаблением солнечной радиации, а главное — с уменьшением содержания витаминов в пище. Постарайтесь в весенние месяцы есть как можно больше зеленого лука, квашеной капусты, овощей и фруктов, принимайте поливитамины.

Поскольку в период климакса появляется склонность к запорам, следите за регулярным действием кишечника, ешьте натощак сырые овощи, простоквашу, не забывайте о черном хлебе. Хорошее действие оказывает стакан холодной воды, выпитый натощак. Если все это не поможет, применяйте клизмы или легкие послабляющие средства типа ревеня или пургена, а в крайнем случае — горькую соль.

Редко, но случается все же, что женщина выполняет все предписания врача, правильно питается, делает зарядку, бывает на свежем воздухе — и все-таки плохо себя чувствует. Что ж, в этих случаях действительно приходится прибегать к специальному лечению. Современная медицина располагает средствами, способными избавиться от тягостных ощущений, но средства эти оказывают очень сильное действие и потому назначаются лишь после тщательного, всестороннего обследования. При неправильном, неумелом применении эти препараты могут нанести огромный вред, ни в коем случае нельзя пользоваться ими без врача, по совету «знающих» знакомых.

Хочу сказать в заключение: непростительно, когда, испугавшись климакса, женщины считают свою личную судьбу чуть ли не законченной. Нельзя затормозить неизбежность биологических законов, но нельзя и пассивно поддаться им. Жизнь продолжается, и пока есть в женщине душевная молодость, она не сдается годам, оставаясь милой и по-прежнему привлекательной.

О том, о сем

Рисунки В. КАЩЕНКО.

● Кожаные пальто, сумки, чемоданы можно почистить раствором, состоящим из воды, мыла и нашатырного спирта, а потом для блеска слегка протереть тряпочкой, смоченной касторовым маслом.

● Запах масляной краски держится обычно долго. Попробуйте после ремонта поставить в комнате две-три посуды с соленой водой — запах исчезнет.

● Края и углы ковра закрутились кверху... Не красиво, а к тому же опасно: можно упасть. Возьмите два куска непромокаемой бумаги или тонкой клеенки, мокрую тряпку. Клеенку постелите под ковер, хорошенько его расправьте, положите сверху на ковер мокрую тряпку, снова клеенку и, наконец, какой-нибудь груз. Через два-три дня ковер разгладится.



● Чтобы на капроновых чулках не спускались петли, прогладьте их, прежде чем надеть, слегка нагретым утюгом.

● После разделки лука, чеснока, селедки руки приобретают неприятный запах. Натрите их солью или смочите слабым раствором уксуса, а потом вымойте.

● Долго не ношенный, затвердевший прозрачный плащ можно снова сделать эластичным: намочите его в растворе нашатырного спирта (стакан на три литра воды), а потом вытрите насухо.

● Пятна от рыбьего жира можно удалить водой с примесью уксуса.



● Пожелтевшие занавеси подержите перед стиркой в соленой воде.

● Пуховка с пудрой упала на черное платье... Не вытирайте пудру рукой, не чистите щеткой! Просто сдуйте или стряхните.

Отвечают специалисты



СВЕЖАЯ ЗЕЛЕНЬ

После долгого зимнего перерыва вновь появляется на прилавках магазинов первая свежая зелень. Нежные матовые листья салата, тугая бело-розовая редиска, весело зеленеющая петрушка, укроп, шпинат, глянцевые перышки луна... На стол их, в каждую семью!

По просьбе многочисленных наших читателей научный сотрудник Института питания АМН СССР **З. В. КОЧЕТКОВА** рассказывает о ранних овощах и вкусных блюдах, которые можно из них приготовить.

Весной многие жалуются на быструю утомляемость, вялость, боль в мышцах и суставах. Часто это признак того, что организму не хватает витаминов, и прежде всего таких жизненно важных, как А и С. Витамины эти не откладываются в организме про запас, потребность в них нужно покрывать постоянно, без перерывов, а весной и ранним летом это довольно трудно. Свежий картофель, капуста, морковь, свекла, которые

обычно служат нам главными поставщиками витаминов, появятся еще не скоро, а прошлогодние, старые, за время зимнего хранения утратили значительную часть своей питательной ценности. В картофеле, пролежавшем несколько месяцев, например, остается меньше половины витамина С, капуста тоже теряет почти столько же своих первоначальных запасов. Вот и получается, что основная «ответственность» за витаминное снабжение падает весной на ранние овощи.

В зелени петрушки, в укропе, щавеле, шпинате, зеленом луке много витаминов С и А. Салат, редис, ремень богаты и витаминами В₁, В₂, РР. Есть в них и необходимые организму минеральные соли, а также значительное количество ценного белка (особенно в крапиве, шпинате, петрушке и укропе). Ранние овощи вкусны, ароматны, возбуждают аппетит, способствуют лучшему усвоению пищи. Как видите, все говорит за то, что им должно принадлежать почетное место на нашем обеденном столе.

Однако не забывайте: свежая зелень должна

быть свежей в прямом смысле слова. Она очень нежна и не может долго лежать, быстро увядает и портится. Некоторые хозяйки, пытаясь предотвратить это, держат овощи в воде. Так зелень, конечно, выглядит свежее, зато теряются, переходят в воду многие ценные витамины и минеральные соли. Храните овощи (и то 2—3 дня, не больше) только на холоде, а лучше вообще не оставляйте их на завтра. Нарезайте овощи непосредственно перед употреблением.

С редиской умеют обращаться все хозяйки, даже самые неопытные. Ее можно есть просто с маслом и солью, можно готовить и всевозможные салаты, добавив мелконарезанные крутые яйца, сметану, майонез, а также зеленый лук и другие овощи.

Свежие, нежные листья салата вы тоже можете заправлять по-разному: сметаной, майонезом, уксусом, подсолнечным маслом — кто как любит. В любом случае получится вкусная и полезная закуска, а также превосходный гарнир, который не идет ни в какое сравнение с изрядно надоевшими

ми за зиму макаронами и кашами.

Хочу обратить ваше внимание на шпинат, который у нас почему-то малопопулярен. Между тем из него можно готовить и закуски, и супы, и гарниры. Вот, например, зеленое пюре: отварите шпинат, отожмите, протрите через сито и подогрейте с маслом. Теперь по вкусу заправьте солью, сахаром, перцем, сливками, каким-нибудь соусом — и подавайте на стол. Если хотите, смешайте пюре из шпината с картофельным — это очень вкусно.

Большое разнообразие в весеннее меню вносит и всеми любимый кисленький щавель. Из него вы можете приготовить всевозможные супы, зеленые щи, соусы. Но как бы вы ни любили эти блюда, не ешьте их слишком часто: в щавеле есть безразличная для организма щавелевая кислота.

Прекрасные щи, ничем не уступающие щавелевым, можно сварить из молодых листьев крапивы. Промойте их, погрузите на 2—3 минуты в кипяток, откиньте на сито, пропустите через мясорубку и тушите 10—12 минут с жиром. Добавьте петрушку, лук и специи.

Несколько слов о ревене. Его красные листовые черешки используйте для приготовления салатов, борщей и сладких супов. Дети любят также компоты и кисели из ревеня. Чтобы сделать такой кисель, промойте черешки в холодной воде, очистите от плотной кожицы, нарежьте небольшими кусочками, положите в горячую воду и варите 7—10 минут. Затем положите сахар, снова доведите до кипения и заварите картофельной мукой. Кисель из молодого ревеня не нуждается в процеживании.

Добавляйте во все овощные блюда молодой зеленый укроп, петрушку и лук. Мелко нарезав эту зелень, посыпайте ею прямо на столе также супы, гарниры, жаркое. Блюда станут более красивыми, ароматными, а главное, богатыми витаминами.

ЦВЕТЫ НА БАЛКОНЕ

«...Недавно мы получили новую квартиру на пятом этаже, — пишет харьковчанка Ирина Приходько. — Хочется как-то украсить балкон, посадить там цветы, но не знаю, с чего начать...»

Отвечает Ирине Приходько сотрудник Ботанического сада МГУ **В. МАРКОВА**.

Балкон — это лицо нашего дома и в то же время продолжение квартиры. Согласитесь, неприятно, если он служит свалкой старой рухляди или бессмысленной сушилкой для белья. Маленький, благоухающий садик на балконе — это тоже частица красоты, столь необходимой человеку.

Начните с подготовки ящиков для цветов. Именно ящики — в горшках земля быстро сохнет и растрескивается. Ящики нетрудно скотлить самим из толстых (не менее 2 см) сухих еловых или сосновых досок. Не забудьте только сделать на дне отверстие для стока воды.

Понятно, что размеры ящиков зависят от вашего балкона, но удобные всего длина в 1 м, ширина — 30—35 и высота —

МОДНЫЕ ПЛАТКИ

В умении одеваться большую роль играют мелочи. Вот одна из них — изящная косынка, подходящая по цвету и платью или пальто. Как повелось исстари, концы платков и сейчас завязывают на затылке или под подбородком. Только сами платки выглядят по-новому, более современно, напоминают шапочки или капюшоны. Две-три

защипки, несколько складочек, бейка, удачная отделка — и скромная косыночка становится элегантно, ловко сидит на голове.

Предлагаем вам несколько вариантов модных платков. Любая женщина, умеющая держать в руках иголку с ниткой, без труда сделает их из куска материи, обрезков кружев, тесьмы, бахромы.



1. Чтобы сделать этот изящный платочек, достаточно на треугольнике материи заложить две складочки.



2. Платок в форме капюшона. На длинной стороне треугольника сделайте две прямых и две косых защипки. На коротких сторонах вырежьте и застрочите глубокие



ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ, СОВЕДУЮТ...

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

20—25 см. Любителям высоких георгинов или гладиолусов придется сделать ящики почти вдвое выше и разместить их по углам балкона. Ящики ставьте на поддоны из железа или жести, подложив бруски, тогда и почва будет вентилироваться и лишняя вода легко стекает. На дно ящиков положите битые черепки, мелкие камешки и засыпьте все это тонким слоем крупнозернистого речного песка. Теперь земля. Не советую брать первую попавшуюся, прямо со двора. Цветам необходима почва питательная, с добавлением дерна, перегноя, речного песка и обязательно торфа: он хорошо сохраняет влагу. Такую составную почву можно купить в цветочном магазине или приготовить самим. Насыпают ее с таким расчетом, чтобы она на 3 см не доходила до края ящика.

Выбор и размещение цветов в значительной мере зависят от вашего вкуса, фантазии, от того, какие цветы, какие запахи вы предпочитаете. Но кое-какие советы мне бы хотелось дать.

Подбирая растения, учитывайте прежде всего время цветения. Можно добиться, чтобы садик на балконе цвел с ранней весны до поздней осени. Сразу же после оттаивания почвы сажайте анютины глазки, незабудки, маргаритки. Когда отцветут, замените их львиным зевом, бархатцами, ноготками, левкоями, настурцией, петуньей. Осенью «эстафета» передается астрам.

Подумайте также о том, насколько красиво сочетаются растения, не слишком ли пестрый «наряд» избрали вы для своего балкона. Возможно, вы любите буйство

красок и смело сажаете рядом самые разные цветы. Что ж, цветы всегда красивы, но, по-моему, благороднее и наряднее гармоничные, однотонные сочетания, например, оранжевая настурция, синяя лобелия, красная герань. Сочетаются и умело подобранные контрастные тона: оранжевый и синий, желтый и фиолетовый.

Сажая в ящик цветы разных сортов, размещайте их «по росту», чтобы они не загораживали друг друга. Сначала посадите, например, настурцию, герань плющелистную, традесканцию. Свешиваясь вниз, эти цветы закроют стенку ящика. Потом сажайте левкой, гвоздику, бархатцы, львиный зев. Замыкают строй растения высокие или вьющиеся.

На какую сторону выходит ваш балкон, достаточно ли там солнца? На северной стороне хорошо растут анютины глазки, бегония, вьюнки. На южной, восточной, западной — ассортимент значительно более богатый: настурция, петунья, гвоздика, левкой, бегония, астры, душистый табак, горошек, вьюнки.

Любители комнатных растений могут и их вынести на балкон.

Аккуратно поливайте цветы, причем в жару дважды — утром и после захода солнца. Если балкон выходит на юг, днем прикрывайте растения от прямых солнечных лучей белой бумагой или марлей. Периодически пропалывайте и взрыхляйте почву, особенно если на ней образовалась корка. Весной не забудьте об органических и минеральных удобрениях. Осенью удалите все растения и хорошенько вскопайте землю.

Вы любите копчености? Их нетрудно приготовить дома.

За сутки до копчения густо посыпьте приготовленные и вымытые куски мяса или рыбы солью, дайте им полежать, просолиться как следует. Потом возьмите ведро с крышкой и насыпьте на дно древесные опилки — так, чтобы образовался слой толщиной примерно в 10 см. Переверните крышку, привяжите к ручке мясо или рыбу (обязательно завернутую в марлю, чтобы не развалилась) и плотно закройте ведро. «Коптильный аппарат» готов, можно ставить его на огонь. Килограмм свинины, например, хорошо прокоптится уже через час. Разумеется, всю эту процедуру нужно делать не в комнате, а на открытом воздухе — будет много дыма.

Опилки лучше брать березовые, осиновые — словом, листовного происхождения. В сосновых и еловых много смолистых веществ, которые могут придать копченым продуктам горьковатый привкус.

Если в хозяйстве не найдется крышки, ее заменит кусок фанеры. В середине сделайте петельку, чтобы подвешивать мясо. Приятного вам аппетита!

Н. КУЗНЕЦОВ

г. Ярославль.

Советую всем отведать витаминный салат по моему рецепту. Он вкусный, недорогой и полезный, особенно весной, когда пища бедна витаминами.

Для салата нужна квашеная капуста, свекла, лук и лимон. Капусту я промываю, мелко режу, заправляю по вкусу растительным маслом, солью и сахаром, а потом смешиваю с мелконаре-

занной тушеной свеклой, луком и поливаю соком, выжатым из половинки лимона.

Салат хорош как закуска или гарнир к рыбным блюдам.

Г. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

г. Киев.

Нередко приходится слышать, что пятна от растительного масла невозможно вывести. Поделюсь своим опытом. Я осторожно тру пятно тряпочкой, смоченной керосином, затем стираю вещь в теплой воде с мылом. Этот способ с успехом испробован на полотне, бязи, шерсти, натуральном шелке.

Л. ВОЛКОВА

г. Нальчик.

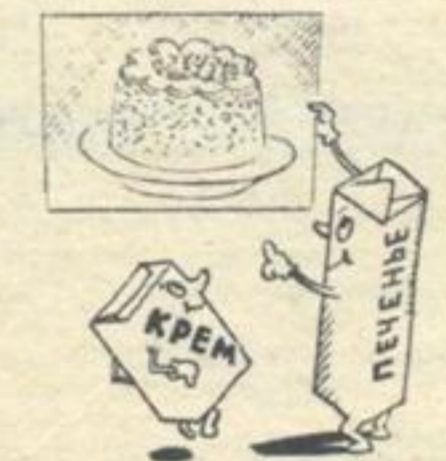
У нас в семье очень любят придуманные мною салат и торт. Может быть, они и вам придутся по вкусу.

Для салата на 4—5 человек я беру одну редьку, большую морковку, четверть маленького вилка белокочанной капусты и 2—3 картофелины, отваренные в мундире. Все это очищаю, натираю на терке, солю и заправляю майонезом. Вкусно и полезно.

Чтобы приготовить торт, нужно полкилограмма печенья (например, «К чаю») и брикет заварного шоколадного крема. Сначала сделайте крем — так, как написано на этикетке, и дайте ему остыть. Потом на большое плоское блюдо положите слой печенья, смажьте его кремом, снова покройте печеньем — и так три слоя. Верхний посыпьте крошками печенья или орехами. Дайте тарту постоять, пропитаться получше кремом и подавайте на стол.

Л. ТЕРЛЕЦКАЯ

г. Пушкино, Московской области.



складки, соединив линии А и Б (посмотрите внимательно на чертеж). На швы надо прибавить 1,5—2 см.

3. Такую косынку лучше сшить из куска плотной ткани, оставшейся от костюма или пальто. Годится для этой цели также мягкий мех. Из полоски длиной 70 и шириной 45 см вырежьте треугольник, прибавляя по 2 см на швы. Из обрезков выкройте косые полоски шириной в 4 см, сделайте из них рулики длиной по 25 см и пришейте их уголкам косынки.

4. Платочек из ткани в крупный горох. Приборите с одной стороны

и пристрочите к нему двойную бейку из той же ткани.

5. Простой треугольник материи отделан тесьмой или бахромой. Для отделки можно использовать также кружева, бархотку, шитье.





Опять двойка.



Обмен опытом.

Рисунки Д. БЕЛОВА.

Для лета



Этим летом будут снова модны открытые платья и сарафаны. Они

красивы, только очень неприятно, если в вырезе на спине видна застежка лифчика. Вы можете сами легко переделать один из своих лифчиков так, чтобы спина оставалась открытой. Отрежьте у лифчика спинку, оставив лишь по несколько сантиметров от боковых швов. К каждому из отрезанных концов пришейте резинку, излишек материи на спинке заложите вовнутрь и застрочите (см. рисунок). Обе резинки пришейте к узенькому пояску или тесьме, равной окружности талии, и сделайте застежку. Осталось прикрепить плечики (место для них найдете при примерке) — и лифчик готов. Сделайте его заранее, чтобы жаркие дни не застали вас врасплох.

(Из польского журнала «Кобета и жице».)

Дорогие читательницы!

Если ваша подписка на журнал «Работница» кончается в июне, не забудьте вовремя возобновить ее на второе полугодие 1966 года.

Подписка принимается во всех отделениях связи, в отделах и агентствах «Союзпечати», а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

На первой странице обложки: Первомай.

Фото Н. МАТОРИНА.

На четвертой странице обложки: Эскиз платка.

Художница Н. АБРАМОВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки блузок и юбок, советы о том, как пользоваться выкройками.

<p>Адрес редакции: МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.</p> <p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного — Д 0-11-72; международной жизни — Д 0-12-30; литературы и искусства — Д 0-12-30; семьи и быта — Д 0-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — Д 0-44-80; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 0-57-38; массовой работы — Д 0-44-80; зав. редакцией — Д 3-30-05.</p>	<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).</p>
<p>Оформление художника Я. МИРОШНИЧЕНКО.</p>	<p>Технический редактор Т. ЖУРАВЛЕВА.</p>
<p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.</p>	<p>А 10242. Подписано к печ. 8/IV—66 г. Формат бумаги 60 × 92½. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 5,43. Тираж 10 000 000 экз. Изд. № 611. Заказ № 864.</p>





МОДА

Предлагаем вам модные блузки, юбки и нарядное платье для выпускного бала.

1. Блузка из однотонного или набивного шелка, отделанная модной сейчас плиссированной оборкой. Блузку можно заправлять в юбку или носить навыпуск. Рекомендуются стройным женщинам.
2. Блузка из белого поплина для женщин всех возрастов и комплекций. Впереди застрочены мелкие складки.
3. Нарядная блузка из кружева на подкладке, прямая, спереди слегка приталена. Воротник и бант из блестящего шелка того же цвета, что и подкладка. Такая блузка пойдет женщине любого возраста.
4. Блузка из светлого шелка или поплина, отделанная защипками и легкой вышивкой (рисунок вышивки вы найдете в приложении). Такая блузка лучше выглядит на стройной фигуре (до 50-го размера).
5. Для женщин постарше мы предлагаем эту прямую блузку из полосатой ткани, отделанную бейкой в цвет полос.
6. Блузка из белого поплина или пике для молодой девушки. Горловина отделана краем белого шитья и черным руликом.
7. Элегантная шерстяная юбка, чуть расширенная книзу. Спереди по бокам клинья застрочены «на ребро». У пояса декоративные клапаны, имитирующие карманы. Рекомендуются до 50-го размера.
8. Юбка для молодой, стройной женщины (до 48-го размера). Линия талии завышена, пояс из этой же ткани или искусственной кожи продергивается в петли.
9. Юбка из плотной фактурной ткани типа букле, прямая, с косыми вытачками и продольной настроенной бейкой впереди подойдет и полной женщине.
10. Юбка из легкой шерсти или лавсана, слегка расширенная книзу. Спереди складка, подчеркнутая несколькими рядами декоративной строчки. Хороша для женщины любой комплекции.
11. Прямая юбка из плотной ткани. Сбоку две складки, довольно низко отстроченные. Рекомендуются на все размеры.
12. Нарядный костюм из черного бархата или шерстяного крепа. Хорошо выглядит и на стройных и на полных. Жакет прямой, без застежки и воротника, юбка чуть расширена книзу. Описание и выкройку блузки вы найдете в приложении.
13. Девичье платье для выпускного бала. Его можно сшить из капрона или любого легкого (но упругого!) шелка. Верх лифа и рукавчики сделаны из кружевных оборок, бант из репсовой ленты.



Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ





Н. АБРАМОВА. ЭСКИЗ ПЛАТКА.

Цена 10 копеек.
Индекс 70770.

1007 71